

«Просвещение» — учителю

П. С. Стефанович

Древнерусское ГОСУДАРСТВО

Учебное пособие для
общеобразовательных
организаций

Москва
«Просвещение»
2017

УЧИМСЯ С «ПРОСВЕЩЕНИЕМ»

«Просвещение» — учителю

П. С. Стефанович

Древнерусское ГОСУДАРСТВО

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

УЧИМСЯ С «ПРОСВЕЩЕНИЕМ»

УДК 372.8:94(47)
ББК 74.266.31
С79

16+

Серия «Учимся с «Просвещением». «Просвещение» — учителю»
основана в 2014 г.

Автор:

П. С. Стефанович — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Рецензент:

А. А. Горский, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

Стефанович П. С.

С79 Древнерусское государство : пособие для учителей общеобразоват. организаций / П. С. Стефанович. — М. : Просвещение, 2017. — 64 с. — (Учимся с «Просвещением». «Просвещение» — учителю). — ISBN 978-5-09-034244-5.

Данное пособие призвано оказать практическую научно-методическую помощь учителям истории общеобразовательных организаций в переходе к изучению курса в свете положений Историко-культурного стандарта. Автор пособия обращается к одной из старейших проблем отечественной историографии — образованию Древнерусского государства. В издании на основе современных научных данных рассмотрены наиболее сложные и дискуссионные вопросы по данной проблематике: происхождение названия «русь», «призвание варягов», дискуссия по «норманнскому вопросу» и др., а также дан обзор основных источников по истории Древней Руси, показан процесс формирования территории и институтов власти этого государства.

Книга адресована учителям, а также всем интересующимся историей.

УДК 372.8:94(47)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-034244-5

© Издательство «Просвещение», 2017
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2017
Все права защищены

Содержание

Введение	4
Глава I. Определение понятий «Древняя Русь», «государство»	7
Глава II. Источники по истории Древнерусского государства: тексты и археологические данные	12
Глава III. Дискуссия по «норманнскому вопросу». Названия «варяги» и «русь»	18
Глава IV. Древнейшие известия о руси. «Призвание варягов»	28
Глава V. Формирование территории и властных институтов Древней Руси	51
Заключение	60
Список литературы	63

Древняя Русь была одним из крупнейших государств средневековой Европы. На обширных территориях Древнерусского государства проживало сравнительно многочисленное и разнородное население. Именно это население сформировало древнерусскую народность. Впоследствии она легла в основу русского, белорусского и украинского народов. Каждый из этих народов сегодня имеет собственную государственность, начало которой возводит к Древнерусскому государству.

Вопрос об истоках российской государственности вызывал интерес в различные исторические периоды. В XVI в., когда под эгидой правителей Московского государства (России) составлялись обобщающие летописные своды, в центре внимания оказалось происхождение правящей династии (Рюриковичей), которая мыслилась носителем государственности. В XVII в. на передний план вышла проблема исторических связей украинских и белорусских земель с Северо-Восточной Русью, которая имела актуальное политическое значение в условиях борьбы Московского государства с Речью Посполитой за эти земли.

В XVIII в., во время становления исторической науки в России, в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г.-Ф. Миллера и других историков вопрос об образовании Древнерусского государства был поставлен на научную основу. В этот период образование любого государства учёные объясняли механистически, как результат либо переноса властных институтов, либо некоего акта «воли монаршей». Этнические и культурные процессы также понимались упрощённо-механистически. В этих условиях возникла дискуссия об образовании Древнерусского государства («норманнский вопрос»).

В XIX в. многие учёные на первый план в историческом процессе стали выдвигать не отдельных личностей (монархов, героев и т. п.), а массы, институты, объективные условия. Решения отдельных личностей историкам виделись как выражение интересов и воли широкого круга лиц (например, наций или классов). В России в трудах настроенных славянофильски мыслителей и историков была сформулирована идея о народе как носителе государственности. В эпоху Великих реформ Александра II закономерно встал вопрос о роли народного самоуправления в российской истории. Образование государства стало связываться с внутренним развитием «славянских общин», занявших основную часть тех территорий, которые составили Киевскую Русь.

Большая часть XX в. прошла в условиях господства марксистской концепции, навязанной науке извне и тесно соединённой с идеологией Советского государства. В советском «истмате» в том виде, в котором он установился к 1930—1940-м гг., главным постулатом был тезис о борьбе классов (класса господствующих эксплуататоров и класса угнетённых масс), которая вела к прогрессивной смене социально-экономических

формаций. Борьба классов и смена формаций считались всемирно-историческим законом, которому подчинялись все страны и регионы. Образование государства на Руси мыслилось как переход от общинно-первобытного строя к феодальному, в котором сформировались классы феодалов и крестьян.

Распространение идей марксизма в нашей стране имело (по крайней мере на начальных этапах) и положительные результаты. С одной стороны, марксизм совершенно справедливо ставил под сомнение воззрения XIX в., признававшие движущие силы истории России либо в государственных институтах, либо в некоем народно-общинном начале, и заставлял обратиться к экономической деятельности и способам хозяйствования. С другой стороны, утверждалось единство путей исторического развития России и Европы. Сегодня сомневаются в существовании всемирно-исторических законов, которыми якобы обеспечивалось это единство, но всё-таки само это единство уже мало кем оспаривается.

В настоящее время исследователи могут придерживаться разных концептуальных установок, но в конечном итоге их работа направлена на определение места Древней Руси в общеевропейской истории. Образование Древнерусского государства современными историками связывается с явлениями и процессами, общими для разных стран (регионов) Евразии.

Современная историография сталкивается и с некоторыми сложностями. Освобождение науки от идеологического давления привело к широкому распространению произвольных и необоснованных трактовок. Даже если не принимать во внимание работы непрофессионалов, легко заметить, что в изучение истории Древней Руси приносятся абстрактные схемы и идеи. Порой исторические данные оцениваются не с исторических позиций, а, например, с философских. Долгое время отечественная историография развивалась в отрыве от мировой, и это привело к пробелам прежде всего в разработке теоретико-методологических подходов к познанию прошлого. Свой отпечаток на исследования также накладывает и неоднозначное взаимодействие российской, украинской и белорусской историографических традиций, которые рассматривают историю Руси домонгольского периода как общее наследие, но далеко не всегда под одним углом зрения.

***

Хронологические рамки существования Древнерусского государства в научной литературе определяют по-разному.

В советской историографии подчёркивалось, что древнерусская государственность выросла исключительно (или преимущественно) из восточнославянских племён. Начало этой государственности советские историки старались всячески «удревить». В первых упоминаниях народа *русь* в письменных источниках в IX в. исследователи видели свидетельства уже существующего Древнерусского государства (образование же этого государства они относили к более раннему времени).

В современных исследованиях формирование *руси* как народа и образование у него государства разделяются как два разных явления, причём второе относится к более позднему времени — скорее к X в.

В любом случае первые достоверные данные письменных источников о существовании некой *руси* — будь то только народ (племя) или политическое образование — позволяют уже вести предметный разговор о древнерусской государственности или по крайней мере о её генезисе (зарождении, формировании, появлении отдельных элементов). Эти данные (они будут рассмотрены ниже) относятся к 830-м гг. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о том, что принципиальные перемены (в хозяйстве, общественной организации и т. д.) у населения Восточно-Европейской (Русской) равнины произошли в конце VIII—IX в. По-видимому, это хронологическое совпадение не случайно.

Нет единства у современных исследователей и по вопросу датировки распада Древнерусского государства. В отечественной историографии традиционно распад Древней Руси связывается с началом раздробленности. Под раздробленностью понимают процесс, когда на территории, некогда подчинённой киевскому князю Владимиру Святославичу, возникают отдельные земли, не признающие (или признающие лишь номинально) высшую власть киевских князей—наследников Владимира. Сложность в том, как датировать этот процесс. В XVIII—XIX вв. распад единого Древнерусского государства часто относили к разделу древнерусских земель, предусмотренному завещанием Ярослава Мудрого (оно изложено в «Повести временных лет» под 1054 г.). Такой подход имеет сторонников и сегодня¹. Другие учёные² считают, что, несмотря на самостоятельность отдельных русских земель, действовал целый ряд факторов, сохранявших их единство вплоть до монгольского нашествия в 1237—1240 гг. Так или иначе большинство историков признают коренные изменения в политическом и социально-экономическом строе Древнерусского государства, которые были обусловлены центробежными тенденциями, начавшимися в середине XI в.

В данной работе внимание сосредоточено на образовании и генезисе Древнерусского государства. Речь в пособии пойдёт прежде всего о периоде IX—X вв. Но в любом случае надо учитывать, что все датировки, касающиеся развития государственности в Древней Руси (как и в других средневековых государствах), более или менее условны. Эти датировки могут лишь приблизительно указывать на сложные и неоднородные явления и процессы большой длительности, в итоге приведшие к образованию Древнерусского государства.

¹ См.: *Кучкин В. А.* О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. — 2012. — Т. 1(148). — С. 120—143.

² См., например: *Толочко П. П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. — СПб., 2005.

Глава I. Определение понятий «Древняя Русь», «государство»

Понятия *Древняя Русь* и *древнерусский* используются в литературе с разным смыслом. Например, филологи говорят о древнерусской литературе применительно ко всей истории России до начала реформ Петра I (то есть до конца XVII в.¹). Историки обычно не употребляют данные понятия относительно XVI—XVII вв. и говорят о Московском государстве как о *России* прежде всего потому, что с первой половины XVI в. сами жители этого государства стали всё шире использовать данное слово для самоназвания своей страны.

Понятием *Русь* современные историки обозначают древнерусские земли до конца XV в., часто прилагая к нему определения *древняя* или *средневековая*. Иногда под Древней Русью подразумевают период истории только до монгольского нашествия 1237—1240 гг., и это, пожалуй, самое узкое понимание этого словосочетания.

Однако важно учитывать, что понятия *Древняя Русь* и *древнерусский* являются новообразованиями, появившимися в науке в XVIII—XIX вв. Они были введены в научный оборот из-за потребности различить народ, язык, культуру и государство современной России (в обиходе и в художественной литературе называвшейся иногда Русью²) и той Руси, которая объединяла единым самосознанием предков русских, белорусов и украинцев. С этой точки зрения *русский* и *древнерусский* — это обозначения принципиально разных эпох и народов. Население той *древней* Руси было совершенно отдельным этносом, отличавшимся от возникших впоследствии русских, белорусов и украинцев, хотя и бывшим для этих народов общим предком-истоком. Этот этнос сегодня обозначается понятием *древнерусская народность*³. Современная наука признаёт за этой народностью (этносом) свой язык — древнерусский, свою культуру — древнерусскую, наконец, своё государство — Древнерусское. Этот этнос просуществовал приблизительно до XV—XVI вв., когда из него выделились русские, белорусы и украинцы.

Самоназванием древнерусского народа было *русь* (с лингвистической точки зрения образование того же рода, что и *чудь*, *весь* и т. п.). Об одном представителе народа говорили *русин*,

¹ Например, самый полный сборник русских литературных памятников XI—конца XVII в. носит название «Библиотека литературы Древней Руси».

² Например, можно вспомнить знаменитую фразу Н. В. Гоголя из «Мёртвых душ»: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься?..» и т. д.

³ См.: Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. — СПб., 2005.

о женщине, видимо, — *русьни* (такую форму можно предполагать по лингвистическим законам — подобно *чех — чехьни*, *грек — грекьни* и т. д., однако в дошедших до нас источниках не упоминается обозначение женщины из руси). Несколько раз в текстах, датированных не ранее конца XII в., упоминается обозначение множественного числа *русичи*. Использующиеся в современной литературе обозначения *рус* (в единственном числе) и *русь* (во множественном) — это не древние слова, а новообразования новейшей эпохи.

Древнерусское слово *русь* было одновременно и этнонимом — обозначением этноса — народа, и хоронимом — обозначением территории, занятой этим народом, и политонимом — обозначением жителей государства, образованного этим народом, и самого этого государства. По современным научным нормам в первом случае слово следует писать со строчной буквы, в двух других — с прописной (заглавной). Понятия *Русь* как политоним и *Древнерусское государство* можно употреблять как синонимы.

От понятия *русь* образовано прилагательное *русь(с)кий*. Это слово, которое в современном русском языке тождественно лексеме *русский*. Однако слово *русь(с)кий* относится к народу руси (древнерусской народности), а современное — к народу русских, образовавшемуся в XV—XVI вв. Получается, что форма слова практически одна и та же, а его смысловое наполнение разное. По этой причине, во избежание двусмысленности, некоторые современные историки используют два разных слова — *русь(с)кий* (как относящийся к Руси) и *русский* (как относящийся к России). Так же и в других современных языках: например, по-английски пишут *rus'ian* (от *Rus'* — Русь) и *russian* (от *Russia* — Россия).

Таким образом, со строго научных позиций о домонгольской Руси надо говорить только и именно как о Древнерусском государстве, а не, например, Древнеукраинском. Однако некорректно проводить прямую преемственность между Древнерусским государством и *только* Русским государством — Россией (возникшим в конце XV столетия), подчёркивая некую вторичность традиций государственности у белорусов и украинцев.

В понятие *государство* разные учёные (в зависимости от их специальности, принадлежности той или иной научной школе, политических взглядов и пр.) могут вкладывать неодинаковый смысл¹.

Советские историки обязаны были руководствоваться теорией государства, разработанной в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса и в несколько упрощённом виде изложенной в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Согласно ей государство считается принадлежностью классового общества и, в сущности, является некоей организационной структурой (аппаратом) в руках господствующего класса, служащей для эксплуатации класса трудящихся.

¹ См., например: Понятие государства в четырёх языках / Под ред. О. Хархордина. — СПб.; М., 2002.

Государство возникает, по формулировке Энгельса, в интересах «самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетённого класса»¹. Маркс и Энгельс признавали за государством и некоторые общепользные функции, но Ленин подчёркивал его репрессивный характер: «Государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчинённые классы»².

В современной историографии уже практически не говорят о государстве в марксистском смысле. Маркс и Энгельс развивали свою теорию общественно-политической эволюции в условиях «классического» капитализма второй половины XIX в., и она оказывается малоприменима к некапиталистическим обществам, в том числе средневековым.

Для медиевистов понимание государства в увязке с классовым антагонизмом является недостаточно широким и гибким, так как оно подразумевает слишком жёсткие разграничительные линии между неким слоем, захватившим господство в обществе, и остальным населением. В действительности в Средние века каналы и механизмы социальной мобильности пронизывали практически всё общество сверху донизу и, как правило, активно функционировали. В то же время отношения господства и подчинения были слишком разнообразны и связывали людей очень разных, чтобы можно было, ориентируясь на эти отношения, чётко разделить население на классы, различающиеся по социально-экономическим, политическим или правовым критериям.

Некоторые историографические традиции (например, немецкая и отчасти англоязычная медиевистика) считают государство принадлежностью развитой общественной системы. При таком подходе необходимыми признаками государства считаются публичная всеохватывающая система власти и контроля, слой бюрократии, обслуживающий эту систему, письменное систематическое законодательство, представления о национальном единстве и общем благе и т. п. Появление такого государства в Европе можно относить ко времени не ранее XV—XVI вв. В раннесредневековых политических образованиях монополия общепризнанной власти и представления об этнополитическом и культурном единстве населения, воспринимающего эту власть как легитимную (и даже как символ единства), лишь начинали складываться. Часто для этих образований используется термин *полития* (англ. polity), имеющий очень широкое значение — просто территория с некоей политической властью.

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 21. — С. 171.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 75.

С этой точки зрения надо считать, что государства в Древней Руси ещё не было или оно только начало складываться. Так и полагали, например, многие дореволюционные историки. С. М. Соловьёв создал «теорию родового быта», согласно которой в домонгольской Руси преобладающей была родовая организация власти и общества, и лишь в XVII в. в России (после потрясений опричнины и Смуты) её побеждает «государственное начало». Другой представитель русской историографии XIX в. — В. И. Сергеевич писал: «Наша древность не знает единого «государства Российского»; она имеет дело со множеством одновременно существующих небольших государств. Эти небольшие государства называются волостями, землями, княжествами, уделами, отчинами князей, уездами»¹.

Само понятие *государство* фиксируется в источниках начиная лишь с XV в. Подчёркивая этот факт, современный исследователь М. М. Кром говорит, что представления об Отечестве, о государственной измене, государственной службе, государственных (земских) делах как общей (общественной) пользе и обязанности складываются только в XVI—XVII вв., и призывает к дифференцированной разработке понятия государства².

Учитывая эти обстоятельства, надо признать, что говорить о государстве в Древней Руси можно только в широком смысле этого слова или, как выражается И. Н. Данилевский, «если принять «мягкое» определение государства, не настаивая на необходимости для признания его существования наличия чёткой классовой структуры общества, единых границ, языка, культуры, этноса, экономического и правового пространства»³.

Опору для такого «мягкого» определения даёт понимание государства, предложенное немецким социологом и историком М. Вебером и которое получило широкое распространение в мировой науке XX — начала XXI в. Он, так же как Маркс и Энгельс и др., выделял принуждение как существенный признак государственной власти. Однако Вебер делал акцент на том, что принуждение признаётся населением как законное (легитимное). Следовательно, по мнению учёного, источником власти предполагается само это население, а люди, осуществляющие насилие, им как бы делегированы на это (по крайней мере в идеале). По определению Вебера, «государство — это такое сообщество людей, которое внутри определённой области претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия»⁴.

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. — М., 2007. — С. 85.

² См.: Кром М. М. К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI—XX вв.): Сб. статей. — М., 1994. — С. 16—30.

³ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). — М., 1998. — С. 166.

⁴ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie.* — Tübingen, 1980. — S. 822.

Много внимания определению понятия *государство* уделяется в этнологии (социальной антропологии). Этнологи, изучающие современные «примитивные» народы, выделяют социальную стратификацию и независимую от родовых и/или общинных отношений организацию как факторы государствообразования. По определению нидерландского антрополога Г. Классена, «государство — это независимая централизованная социально-политическая организация для регулирования социальных отношений. Она существует в сложном, стратифицированном обществе, расположенном на определённой территории и состоящем из двух основных страт — правящих и управляемых. Отношения между этими слоями характеризуются политическим господством первых и налоговыми обязательствами вторых. Эти отношения узаконены идеологией, разделяемой по крайней мере частью общества и основанной на принципе взаимности» (перевод автора)¹.

Этнологи попытались разработать типологию ранних государственных образований и выделить несколько последовательных видов политической организации: начальную стадию образования элементов государственности — так называемое вождество (англ. *chiefdom*), затем раннее государство и, наконец, полноценное государство. Историк и антрополог Н. Н. Крадин настаивает на том, что важнейший признак государства — это наличие лиц, постоянно (профессионально) занятых в аппарате управления, то есть бюрократии. По его мнению, если бюрократии нет, то даже при наличии других признаков (территориальное деление, налоги и пр.) можно говорить лишь о «раннем государстве»².

На понимание государства, сформулированное М. Вебером, опираются — осознанно или неосознанно — многие авторы современной русскоязычной историографии. Они используют слово *государство* для обозначения некоей (пусть элементарной) относительно централизованной политической системы, охватывающей социально неоднородное население на определённой территории обязательствами по фиску, суду и управлению. При этом подчёркиваются не столько репрессивные функции государственной власти, сколько общеполезные — защита населения на подвластной территории, определение общих для всех правовых норм и т. п.³.

Эти различия в трактовке понятия *государство* следует, конечно, учитывать при обращении к древнейшей истории Руси. Дальнейшее изложение свидетельств источников, относящихся к этой истории, нацелено прежде всего на выявление отдельных признаков государственности, и в конце, после обобщения этих

---

¹ Claessen H. J. M. State // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. IV. — N.Y., 1996. — P. 1255.

² См.: Крадин Н. Н. Политическая антропология. — М., 2010. — С. 225.

³ См., например: Темушев С. Н. Образование Древнерусского государства. — М., 2014. — С. 108—113.

признаков, ставится вопрос, в каком смысле и применительно к какому точно времени можно говорить об образовании Древнерусского государства.

Глава II. Источники по истории Древнерусского государства: тексты и археологические данные

Одна из главных трудностей в исследовании начальной истории Руси состоит в том, что мы вынуждены смотреть на эту историю через призму раннего летописания, и прежде всего «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). ПВЛ — единственный источник сравнительно древнего происхождения, который даёт связное и довольно подробное изложение истории Руси с середины IX до начала XII в. Именно на информации ПВЛ и других ранних летописей построено большинство бытующих в историографии концепций древнерусской государственности. Однако можно ли доверять этой информации? А если да, то в какой степени?

Древнерусские летописи донесли до нас тексты, которые на разных этапах их бытования в древнерусской книжности претерпели редакторскую правку (иногда очень значительную). Так, ПВЛ, созданная в начале XII в., дошла до нас в летописных списках, самый ранний из которых — Лаврентьевская летопись — датируется 1377 г. Другой древнейший список — Ипатьевская летопись — датируется 1420-ми гг., и в нём ПВЛ представлена в другой редакции. Выходит, между написанием ПВЛ и созданием древнейших манускриптов, в которых мы видим её сегодня, прошло два с половиной и даже более трёх столетий.

В ПВЛ описаны события по истории Руси конца IX — середины X в., то есть произошедшие за полтора-два столетия до создания этого летописного свода. Следовательно, в описании этих событий в ПВЛ надо подозревать и легендарность, и всякого рода ошибки и неточности.

Кроме того, летописцы, в том числе и автор (или авторы) ПВЛ, не только зависели от тех источников информации, которые были в их распоряжении, но и руководствовались политическими пристрастиями, идеологическими соображениями, личными интересами, наконец, картиной мира, свойственной тому времени. Нужно также учитывать, что летописцы придерживались ярко выраженной княжеско-династической точки зрения. Цель их работы состояла в демонстрации избранности одной династии (Рюриковичей), которой было предопределено свыше править «Русской землёй».

Сложности в интерпретации данных начального летописания были осознаны ещё в историографии конца XIX—начала XX в. Большую роль в этом сыграли труды выдающегося лингвиста и исследователя древнерусской литературы А. А. Шахматова, убе-

дительно показавшего, с одной стороны, тенденциозность летописания, а с другой — весьма непростую историю самих текстов летописей. Ученик Шахматова М. Д. Присёлков предпринял попытку в изучении древнейшей истории Руси опереться на источники, по времени создания более близкие к засвидетельствованным в них фактам и независимые от ПВЛ. Он прямо указывал, что ПВЛ и «предшествующие ей летописные своды» в повествовании истории до начала XI в. — «источник искусственный и мало надёжный», и ставил своей задачей «положить в основу изложения» источники, «современные событиям», «проверяя факты и построение «Повести [временных лет]» их данными»¹.

Подход Присёлкова имеет сторонников в современной историографии, в том числе и весьма радикальных, которые сознательно почти полностью абстрагируются от летописей в изложении древнейшей истории Руси². Но всё-таки большинство исследователей не отказываются полностью от летописей как источника по истории Руси IX—XI вв. Важно только понимать особенности этого источника и прежде всего иметь в виду сложную текстологию начального летописания.

Главные достижения в изучении раннего летописания связаны с именем А. А. Шахматова. К реконструкции его истории учёный пришёл через глубокое и всестороннее исследование максимально доступного количества сохранившихся летописей и воссоздание вообще всей истории древнерусского летописания вплоть до позднейших его этапов в XVI—XVII вв. Метод Шахматова заключался в системности и последовательности текстологического анализа.

Итоговые и важнейшие заключения Шахматова применительно к раннему русскому летописанию можно свести к трём положениям³. Исследователь убедительно показал, что ПВЛ дошла до нас в разных версиях и что эти версии отражают несколько её редакций. Шахматов датировал Первую редакцию летописного свода 1111 г., Вторую — 1116 г., Третью — 1118 г. Первая редакция ПВЛ, по мнению учёного, не сохранилась. Вторая редакция сохранилась в Лаврентьевской, Радзивилловской и Московской Академической летописях, Третья — в Ипатьевской летописи, представленной несколькими списками. К редакции Лаврентьевской летописи очень близка была, по всей видимости, ПВЛ в Троицкой летописи, которая сгорела в московском пожаре 1812 г., но которая поддаётся частичной реконструкции⁴.

¹ Присёлков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Учёные записки Ленинградского государственного университета. — Л., 1941. — № 73. — С. 215—216.

² См., например: Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750—1200. — СПб., 2009.

³ См. подробнее: Шахматов А. А. История русского летописания. В 3 т. — СПб., 2002—2011.

⁴ Издание перечисленных летописей см. в классической серии «Полное собрание русских летописей».

Кроме того, Шахматов обосновал идею, что ПВЛ — это более поздний этап летописания по сравнению с летописным сводом, который был создан в 1090-е гг. в Киеве и отразился в начальной части Новгородской летописи младшего извода (известной в нескольких списках)¹. Этот свод он условно назвал «Начальным». Также исследователь утверждал, что существовали и другие этапы летописания, предшествующие «Начальному своду». Начало древнерусского летописания Шахматов относил ко времени киевского правления Ярослава Мудрого, выделяя так называемый «Древнейший Киевский свод 1039 г.».

Несмотря на критику идей А. А. Шахматова, которая началась ещё при жизни учёного, его идеи получили многостороннее развитие в работах других исследователей (М. Д. Присёлков, А. Н. Насонов, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье, О. В. Творогов и др.). По-новому аргументированы и подкреплены эти идеи были в работах филолога А. А. Гиппиуса, который ставит целью «стратификацию» текста начального летописания (то есть выделение в нём разных хронологическо-редакционных «слоёв») на основе сочетания методов традиционной текстологии и лингвистического анализа, направленного на выявление языковой разнородности летописных текстов.

Стоит оговориться о так называемых «поздних» летописях, прежде всего Никоновской летописи, и уникальных сообщениях В. Н. Татищева. В литературе сведения из этих источников часто используются, потому что они дополняют — иногда в деталях, а иногда в целых рассказах — хрестоматийные известия ПВЛ. Можно понять желание авторов, увлечёвшихся древнейшей историей Руси, разнообразить своё повествование «неожиданными находками» в «редких» и «малоизвестных» источниках. Однако надо указать, что, во-первых, все эти «малоизвестные» сведения очень хорошо и давно известны специалистам и, во-вторых, невнимание специалистов к ним объясняется просто тем, что они недостоверны — это либо ошибки, либо выдумки писателей того времени, которое очень далеко отстояло от той эпохи, которую они описывали.

***

Важнейшее значение для суждений о складывании древнерусской государственности имеют источники двух видов — свидетельства иностранного происхождения и археологические данные. Они не только позволяют скорректировать летописные сообщения, но в целом ряде случаев (в особенности относительно древнейшей истории руси в IX—X вв.) дают информацию, отсутствующую в летописях и других древнерусских источниках.

---

¹ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. — М.; Л., 1950.

Русь появляется на исторической арене в IX в. Первые письменные свидетельства о существовании руси, относящиеся к этому времени, происходят не от неё самой (так как письменности у руси ещё не было), а от её соседей, письменностью уже обладавших. Эти свидетельства происходят из Восточнофранкского королевства (с территории будущей Германии), Византии и Арабского халифата. Их информация имеет исключительную ценность, потому что она аутентична, то есть более или менее современна упомянутым явлениям и событиям (а не была составлена позднее, как, например, летописные рассказы). Подробнее об этих источниках говорится в главе IV.

Иностранные источники¹ имеют большое значение и при изучении истории Древней Руси X — начала XI в. В ряду этих источников на первом месте стоят византийские тексты — хроники разных авторов, а также трактаты византийского императора Константина VII Багрянородного (913—959) «О церемониях» и «Об управлении империей». Важнейшим среди арабско-персидских текстов является рассказ путешественника ибн Фадлана, который в 922 г. с дипломатической миссией посетил Волжскую Булгарию. По итогам своей поездки он составил «Записку», которая, помимо прочего, содержала и описание русов (их арабский путешественник видел в Булгарию). Среди западноевропейских источников следует упомянуть свидетельства Лиутпранда Кремонского о русах и рассказ Титмара Мерзебургского об усобице, начавшейся после смерти киевского князя Владимира Святославича в 1015 г. Некоторые данные по истории Руси X в. представлены также в источниках скандинавского и хазарского происхождения.

В X в. появляются первые письменные данные, возникшие первоначально вне древнерусской письменной культуры, но связанные непосредственно с самой русью и вошедшие позднее в круг древнерусских памятников. Это договоры, заключённые Русью с Византией в 911, 944 и 971 гг. Их сведения чрезвычайно важны для корректировки летописных данных, поскольку восходят к более раннему времени, чем летописи. Договоры являются юридическими документами и по сравнению с летописью представляют собой исторический памятник иного рода.

Договоры дошли до нас в составе ПВЛ в виде переводов с греческого языка. В разных летописных списках, включающих ПВЛ, есть пропуски в текстах договоров или расхождения в передаче отдельных слов и выражений. Реконструкция оригинального текста договоров на церковнославянском (или древнерусском) языке и (как следующий этап) их греческого оригинала — это актуальная научная задача, пока далёкая от разрешения. Когда был сделан перевод договоров с греческого языка? Вопрос спорный и неясный;

---

¹ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон и др. — М., 2009—2010. — В 5 т.

датировки колеблются от времени составления самих договоров до включения их в состав в ПВЛ (то есть от X до начала XII в.). Помимо вышеперечисленных договоров, ПВЛ называет и ещё один — договор 907 г. А. А. Шахматов считал его искусственно составленным летописцами. Некоторые современные исследователи полагают, что текст договора 907 г. является попавшей не на своё место частью русско-византийского договора 911 г.

В последние десятилетия в дискуссиях о ранней истории Руси всё большее значение приобретают данные археологических исследований. С одной стороны, это связано с наличием обширного археологического материала, накопившегося в России с середины XIX в., а с другой — скудость и неоднозначность (а порой исчерпанность) сведений письменных источников заставляет историков обращаться к данным археологии в надежде обрести надёжную основу достоверных фактов.

Разумеется, возможности археологии далеко не безграничны. На некоторые вопросы остатки материальной культуры человека просто не могут дать ответа (например, о правовых установлениях, властных институтах и др.). Ранее исследователи пытались напрямую связать археологические культуры и артефакты с племенами и народами. Сегодня выяснилось, что в установлении такого рода связей надо быть очень осторожными. Иногда корреляция между теми или иными объектами материальной культуры и этническими границами, действительно, есть (например, разные формы височных колец, распространённых у восточных славян, соответствуют их разным группам), но часто она отсутствует, и, например, ареал распространения той или иной археологической культуры не совпадает с этнической картой, реконструируемой по письменным данным. Этническая (само-)идентификация может быть не связана или связана очень опосредованно с внешне-предметными чертами и характеристиками, которые фиксируются археологически. К этому следует добавить неточность и размытость датировок, которые, как правило, дают археологи. Абсолютные датировки возможны только в случае наличия органических остатков (впрочем, и эти датировки приблизительны). Дендрохронология обеспечивает точность, но соответствующие методы и дендрохронологические шкалы разработаны лишь для отдельных памятников (в рамках Древней Руси только для Великого Новгорода).

К сожалению, относительно Древней Руси не так много работ, где бы обобщался археологический материал, которым располагает наука. Среди них можно выделить одну коллективную работу¹, цикл трудов В. В. Седова², а также сборник статей разных

¹ См.: Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси X—XI веков. — Л., 1978.

² См., например: Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. — М., 1999.

авторов, подготовленный Институтом археологии РАН, дающий широкую археологическую панораму материалов и дискуссий об образовании Древнерусского государства¹.

В этой панораме отметим археологические объекты, выявленные на Восточно-Европейской равнине и датированные IX—X вв. Прежде всего это поселения. Среди них выделяются центры, которые называют «раннегородскими», а некоторые из них можно считать (по крайней мере применительно к X в.) уже и полноценными городами. Здесь археологами обнаружены оружие, артефакты, связанные с торговой и ремесленной деятельностью, монеты, украшения, свидетельствующие об имущественной и социальной дифференциации; эти поселения отличаются более плотной застройкой и наличием укреплений. В (Старой) Ладоге обнаружены древнейшие укрепления и культурные слои, восходящие к середине VIII в. Не позднее 880-х гг. возникает укрепленное поселение при истоке реки Волхов из озера Ильмень, обозначаемое Рюриковым городищем (или Городищем). К 930-м гг. возникает поселение на месте (Великого) Новгорода. Значительными центрами были Псков и Изборск. В Верхнем Поволжье внимание археологов привлекают поселения, известные под названиями Тимерёво и Сарское городище. Поселение около современной деревни Гнёздово недалеко от Смоленска возникло в конце IX в. В X в. оно развилось в крупнейший городской центр (первоначальный Смоленск). В Поднепровье выделяются Киев и Чернигов, а также ряд других укрепленных пунктов, из которых наиболее изучено и известно поселение около села Шестовица на Десне.

В последнее время всё более интенсивно исследуются не только крупные центры городского типа и могильники, но и небольшие селища и городища и экологический ландшафт. Эти исследования позволяют представить себе систему расселения в целом и её динамику, миграционные процессы, связь городов и округи, динамику хозяйственного освоения территории, объединённой позднее властью Рюриковичей. Подтверждён и уточнён тезис о расширении сельскохозяйственного производства и подьёме сельских областей в IX и особенно X в. Благоприятные климатические изменения, несомненно, способствовали этому росту. Современные палеогеографические исследования определяют эту эпоху как малый климатический оптимум, когда среднегодовые температуры были выше современных примерно на 1 °С.

Традиционно много внимания археологи уделяют погребальным памятникам, и прежде всего выдающимся по своим размерам насыпям — курганам и сопкам. Большую информативность имеют для историков клады с различными ценностями, и прежде всего монетами. Клады свидетельствуют не только об уровне экономического благосостояния и товарного хозяйства,

---

¹ См.: Русь в IX—X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. — М.; Вологда, 2012.

но, главное, о путях распространения богатства, а значит, торговли и коммуникации. Эпоха конца VIII—X в. выделяется широкомасштабным притоком арабской (куфической) серебряной монеты — дирхемов. Учёные после обработки открытых к концу XX в. монет пришли к выводу, что в X в., период наиболее интенсивного поступления куфической монеты из Азии, на Русь и в Северную Европу поступало ежегодно около 3750 кг серебра, что равняется 1 250 000 целиковых дирхемов.

В целом археологи выделяют «период IX—X вв. как эпоху, объединённую многими общими явлениями в культуре... С точки зрения археологии очевидно, что при всём разнообразии культурных традиций различных областей формирующегося государства, в этой культуре много общего: её объединяет общая простота бытового уклада, известный архаизм (господство лепной керамики в большинстве областей, скромный набор украшений в costume основной части населения) и присутствие престижных вещей: дорогих украшений, бытовых вещей и предметов вооружения, значительная часть которых представляет собой импорты. При этом элементы престижной «дружинной» культуры малозаметны в археологических комплексах IX в., но ярко представлены в древностях следующего столетия, главным образом второй его половины»¹.

Этот вывод подтверждает выбранные хронологические рамки для рассмотрения вопроса об образовании Древнерусского государства и даёт опору для исторических рассуждений, которые предлагаются ниже.

Глава III. Дискуссия по «норманнскому вопросу». Названия «варяги» и «русь»

Большинство современных исследователей убеждены, что главными критериями государственности выступают властные и правовые установления. Этнический состав как населения, признающего (или не признающего) ту или иную политическую власть, так и представителей самой этой власти не играет принципиальной роли.

С этой точки зрения вопрос о связи самого имени *русь* с тем или иным народом (племенем) представляется частным. Какова бы ни была эта связь, никто не будет спорить с тем, что по крайней мере в XI в. население политического образования (государства) под названием Русь было преимущественно славянским. Также никто не будет отрицать, что, кроме славян, в это политическое образование входили и другие народы. Научные споры могут возникать лишь по поводу того, из каких групп состояло восточное славянство, какие неславянские народы признали власть руси и

¹ Макаров Н. А. Предисловие // Русь в IX—X веках: археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 8.

когда именно, каков был их вклад в политическую интеграцию, экономическое благосостояние, культуру этого полиэтничного объединения и т. д.

Специфика отечественной историографии XVIII—начала XXI в. состоит в том, что такого рода научные споры оказались спроецированы на определённые политические настроения и представления и привели к идеологическому противостоянию, которое увязывало политические процессы эпохи образования Древнерусского государства с этническими различиями. Это противостояние известно как «норманнский вопрос», или спор «норманистов» и «антинорманистов». Эта полемика зародилась в спорах учёных Петербургской академии наук в середине XVIII в., когда научные понятия и инструментарий ещё не были разработаны. В середине XIX в. она пережила новый всплеск на стыке научных и общественных дискуссий, но уже к концу этого столетия серьёзные учёные дистанцировались от неё. В XX в. в СССР уже, казалось бы, забытые полемические доводы в условиях политико-идеологического давления на науку снова приобрели актуальность. Наконец, в современной России дискуссии по «норманнскому вопросу» постепенно изживают себя.

Начало научным спорам по «норманнскому вопросу» положило выступление М. В. Ломоносова, которое, как заявлял сам учёный, было вызвано его патриотическими чувствами.

В 1749 г. немецкий историк Г.-Ф. Миллер, приглашённый для работы в Россию, на торжественном собрании Петербургской академии наук выступил с лекцией «Происхождение имени и народа российского». В ней учёный утверждал, что варягами в Древней Руси называли скандинавов, русью финны называли шведов, а последние под именем руси стали известны в Восточной Европе среди славянских и других проживавших там народов. Затем часть шведов под предводительством Рюрика была «призвана» восточными славянами и финнами для правления. Несколько русских академиков во главе с М. В. Ломоносовым посчитали лекцию Миллера «предосудительной России».

Ломоносов писал, что, во-первых, «ежели положить, что Рюрик и его потомки, правившие в России, были шведского рода, не будет ли из того выводить какого опасного следствия», во-вторых, в публичном заседании Петербургской академии наук «не должно быть ничего такого, что российским слушателям было противно». В-третьих, древность российского народа и имени не должен «опровергать такой человек, который живёт в России и от неё великие благодеяния имеет». Рассуждения о происхождении российских великих князей и «имени российского» от «безъимянных скандинавов... российским слушателям досадны и весьма несносны быть должны»¹.

---

¹ Ломоносов М. В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского»] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. — М.; Л., 1952.

Идейно-политическая подоплёка этих высказываний вполне объяснима. Научные прения происходили в Академии наук в Петербурге, на земле, которая без малого 30 лет назад была отвоёвана Петром I в ходе тяжёлой и продолжительной Северной войны (1700—1721) у потомков норманнов — шведов. Всего шестью годами ранее научной дискуссии закончилась ещё одна русско-шведская война (1741—1743). События были на памяти у всех участников диспута. В такой ситуации концепция иностранных историков, доказывающая, что русскую государственность создали предки шведов, оказалась неприемлемой для патриотов и власти.

В критических отзывах на речь Миллера, а позднее в своей «Древней российской истории» Ломоносов предлагал и научное обоснование своего мнения о «происхождении народа российского». У Миллера выходило, что «призвание варягов» положило начало всему «российскому» — и народу, и имени, и династии, и государственности. Ломоносов предложил контрлогику. Он не ставил под сомнение сведения ПВЛ о «призвании» Рюрика как родоначальника правящей династии. Учёный по-иному трактовал происхождение разных народов и их обозначений. Если бесспорно, что государственная власть была установлена русью, но нельзя допустить, что она была установлена иноземцами, значит, русь — это не чужеземцы, а лишь одна из ветвей «славянского племени». «Россов» Ломоносов считал славянами, происходившими от упоминавшихся античными авторами роксолан. Варяги, по его мнению, — это общее название для разных северобалтийских народов, в том числе славянских, Рюрик пришёл из пруссов, которые тоже были славянами.

С научной точки зрения выводы Миллера, который, в сущности, опирался на прямые показания источников, несравненно более убедительны. Главную его мысль, вызвавшую нападки, дальнейшие исследования упрочили. И летописи, и другие источники в общем-то сходились в том, что русь была так или иначе связана со Скандинавией, а первые князья руси были бесспорно скандинавского происхождения. Другое дело, что этот факт вызывал довольно прямолинейные заключения, которые и заставляли говорить о «норманизме». Суть этих заключений была проста, и она вполне выражается известным высказыванием А. Л. Шлёцера: «Скандинавы, или норманны, в пространном смысле, основали русскую державу»¹.

С этим тезисом соглашались Н. М. Карамзин, М. П. Погодин и другие представители так называемой «государственной школы» (данное направление было ведущим в отечественной историографии в первой половине — середине XIX в.). Дело в том, что представители данного историографического направления связывали

---

¹ Шлёцер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличённые, переведённые и объяснённые. Перевёл Д. Языков. Ч. I. — СПб., 1809. — С. 325.

государственность с династией (а она была скандинавского происхождения). Они не видели в этом ничего обидного или принуждающего, понимая, что скандинавская династия на славянской почве быстро славянизировалась и приспособилась к местным условиям. В конце концов Екатерина II не была этнической русской, а при её дворе чаще говорили на французском языке, чем на русском. Однако эти факты не мешали ни императрице, ни европеизированной российской знати отстаивать государственные интересы России.

Эпоха романтизма (конец XVIII—XIX в.) вызвала массовый интерес к происхождению названий народов и патриотические настроения. «Поиск корней» совпал в России с общественным подъёмом эпохи Великих реформ Александра II. Вновь разразившиеся дискуссии о происхождении руси и роли норманнов вызвали широкий общественный отклик. Наиболее заметным был публичный диспут между М. П. Погодиным, который говорил, что варягами на Руси называли скандинавов и, следовательно, русь (пришедшая от варягов) была скандинавского происхождения, и Н. И. Костомаровым, защищавшим идею о том, что варяги и, следовательно, русь происходили из литовского племени жмудь.

В дискуссиях 1850—1860-х гг. и в публикациях последующего времени наиболее заметными фигурами среди «антинорманистов» были, помимо Костомарова, Д. И. Иловайский и С. А. Геденон. В их трудах важнейшим был вопрос об этническом происхождении варягов, а не их вкладе в создание Древнерусского государства. Среди этих историков были сторонники отождествления варягов с разными народами (западными славянами, финнами, балтами и т. д.). Геденон утверждал, что летописные варяги — это вагры — одно из западнославянских племён, обитавших на берегах Балтийского моря (на территории современной Германии). О ваграх известно из средневековых латинских хроник и документов (в основном из «Славянской хроники» Гельмольда, созданной в XII в.), а отождествление варягов с ваграми было популярно ещё в польской и немецкой историографии XVI—XVIII вв.

Более перспективными с научной точки зрения были славянофильские теории и вдохновлённые ими изыскания, которые привели к переоценке тезиса Шлёцера уже в совсем иной плоскости. Если ведущим началом русской истории признавалось «народоправство», выросшее на местной славянской почве, это значило, что скандинавы в любом случае не могли принести славянам ничего нового и существенного. При таком подходе вопрос о происхождении древнерусской государственности решался вне связи с вопросом о происхождении династии и в очень косвенной связи с вопросом о происхождении руси как народа и его имени.

В то же время мысль о связи руси со Скандинавией находила всё новые подтверждения в исследованиях этнонимии,

судеб скандинавов, их следов на Руси и т. п. (в этом контексте следует отметить прежде всего труды А. А. Жуника и В. Томсена). Лингвисты неопровержимо доказали, что имена первых князей и многих лиц из элиты Руси конца IX—XI в. — скандинавские. Археологические раскопки показали, что в разных местах на территории Восточно-Европейской равнины в IX—X вв. присутствовали люди (мужчины и женщины) скандинавского происхождения, занимавшиеся торговлей, ремёслами, военным делом.

В конце XIX—начале XX в. наука стала уходить от упрощённых постулатов эпохи романтизма и «поиска национальных корней». Больше внимания стало уделяться социальным и экономическим факторам, которые вели к образованию и развитию государственности. Вопросы об этнической принадлежности представителей ранней руси и происхождении этого названия стали отходить на второй план.

Однако с установлением советской власти, противостоянием с Западом и подъёмом фашизма в Европе вопрос приобрёл новое политическое измерение. Возрождение, казалось бы, забытых идей происходило по обеим сторонам политико-идеологических «баррикад». «Норманнский тезис» был использован Гитлером для антиславянской пропаганды.

Правящий в СССР режим, к сожалению, не только не пытался провести границу между расистской пропагандой и научными исследованиями, но, наоборот, использовал идеологическое напряжение для давления на науку. Как замечают современные историки, «норманизм» «стал трактоваться как антирусское/антисоветское течение в зарубежной буржуазной историографии, имеющее целью доказать неспособность славян к созданию своей государственности, как средство искажения, принижения истории страны, первой сделавшей шаг к новой, коммунистической общественной формации»¹.

«Антинорманизм» стал официальной доктриной в СССР, которую историки должны были признать за догму, не подлежащую обсуждению. Но он несколько изменился по сравнению с «антинорманизмом» XIX в. С одной стороны, марксистский подход утверждал, что государство не приносится извне — кто бы ни был носитель каких бы то ни было «прогрессивных» идей и институтов, — а являются результатом длительных и сложных социально-экономических процессов, развивающихся на автохтонной почве². С этой точки зрения, откуда пришёл Рюрик и кем он был

¹ Горский А. А. К спорам по Варяжскому вопросу // Российская история. — 2009. — № 4. — С. 172.

² Ср. у Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»: «Государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу... Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бесцельно» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — Т. 21. — С. 169—170).

этнически, не имело принципиального значения, и скандинавское происхождение династии, и вообще присутствие скандинавов на Руси не отрицались. С другой стороны, советская историография отдавала дань и национально-патриотическим тенденциям. Они выражались в возвеличивании роли славян в образовании Древнерусского государства. Умалить значение «коренного» славянского элемента в этом процессе было категорически нельзя, поэтому роль скандинавов (как, впрочем, и других народов) не должна была быть сколько-нибудь заметной — фактически её сводили к службе в наёмных княжеских дружинах¹.

Таким образом, фактически и в советской историографии (пусть и в несколько завуалированной форме) сказывался «этнический» подход в трактовке вопроса о зарождении государственности на Руси. На практике признание в той или иной форме скандинавского влияния на Руси влекло наклеивание ярлыка пособника фашизма или по крайней мере буржуазного империализма и затем всякого рода преследования. Попытки объективно разобраться в том, что стояло за сообщениями «Сказания о призывании варягов», за наличием явно скандинавских вещей в археологических раскопах и подобных фактах, выглядели уже своего рода диссидентством².

С распадом СССР, когда историки получили возможность вести дискуссию, свободную от доктринальных установок, оказалось, что разделение на «норманистов» и «антинорманистов» в научной среде не прослеживается, хотя разногласий по самым разным аспектам проблем, связанных с образованием Древнерусского государства, более чем достаточно. Связано это прежде всего с неактуальностью изначальной формулировки «норманнского вопроса» — какой народ (этнос) внёс главный вклад в образование государства, «покорив» остальные? В такой формулировке вопрос мог ставиться в романтическом видении исторического процесса, когда двигателем этого процесса представлялось взаимодействие народов/наций как неких объективно существующих коллективов, сплочённых культурно, социально и политически, и «создание» или «учреждение» государства можно было связать с каким-либо одним более «выдающимся» народом.

Современная наука на проблемы формирования этноса и государства и их взаимосвязь смотрит принципиально иначе, чем в XVIII—XIX вв., когда боролись «норманнская» и «антинорманнская» идеи. Взгляды сегодняшних исследователей сложились во многом под влиянием, с одной стороны, наблюдений и концепций этнологии (социальной антропологии), а с другой — западной медиевистики, которая разрабатывала проблему происхождения отношений власти и господства на материалах западноевропей-

¹ См., например: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1993. — С. 298—315.

² См.: *Клейн Л. С.* Спор о варягах. — СПб., 2009.

ского раннего Средневековья (значительно более богатых и репрезентативных по сравнению с источниками по истории Восточной Европы).

Социально-культурные исследования разных народов, пребывающих на разных стадиях развития, привели к новому пониманию этничности в науке¹. Ключевым стало понятие «идентичность». Показано, что нельзя воспринимать принадлежность к этносу как абстрактную объективную данность. Конечно, людей объединяют некие признаки — прежде всего язык, а также обычаи, поведение, одежда и т. п., но в конечном счёте важнейшим критерием принадлежности человека к этносу является его собственное субъективное мнение (самоидентификация), причём мнение это может быть крайне своеобразным и далеко не стабильным.

Особенно неустойчивым этническое самосознание проявляет себя в условиях неопределённых, размытых или нарушенных политических институтов и границ. А именно такие условия господствовали в Европе в эпоху раннего Средневековья, когда на обломках или границах античных государств начинают складываться новые этнополитические образования. Хотя эти образования и обозначались обычно в источниках латинским словом *gens* (прямой перевод которого — «народ»), в действительности они представляли собой совсем не сплочённый единым «народным духом» коллектив или группу биологического родства, а весьма разнородные и часто недолговечные объединения людей самого разного происхождения. Специальные исследования (представленные прежде всего школой австрийского историка-медиевиста Х. Вольфрама) показывают, что в этих ранних «варварских» полициях этничность имела инструментальный и ситуативный характер, то есть люди меняли свою идентификацию в зависимости от ситуации, материальной или политической выгоды. Этногенез рассматривается в неразрывной связи с политогенезом как сложный динамический процесс исключения, включения и интеграции гетерогенных союзов и объединений. Этнос складывается вместе с государством, и культурная общность оказывается результатом социальной мобилизации ради решения круга политических задач. Состав, а часто и имя этноса меняются. Его развитие обуславливается не некими неотъемлемыми национальными характеристиками, а многочисленными экономическими и культурными факторами.

В этой перспективе простые дихотомические схемы полемики «норманистов» и «антинорманистов» — противопоставление норманнов и славян, варягов и руси и т. п. — представляются анахронистическими. Уйдя от воззрений о «покорении» и «заимствованиях», современная наука пришла к пониманию множественности взаимосвязей между разными народностями, стоявшими приблизительно на одном уровне развития, — славя-

---

¹ См., например: *Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии.* — М., 2003.

нами, скандинавами, балтами, финнами и тюрками. В условиях сложного этнополитического взаимодействия, миграций и текущих идентичностей участие представителей этих народностей в формировании политической структуры, объединившей их, было разнохарактерным и неоднозначным. Ясно, что вклад в становление Древнерусского государства внесли все, и вклад каждого стал неотъемлемой частью этого государства как «общего дома» разных народов, но трудно точно определить, как именно складывался этот «дом» и кто когда вложил в него какой «кирпичик». Такого рода определение видится некоей «сверхзадачей» современной науки, и время покажет, насколько выполнима эта задача.

В околонучных кругах старая полемика звучит и сегодня, приобретая иногда довольно громкие и даже скандальные нотки. Разумеется, причины лежат не в научной сфере, а в той же среде, которая питала противостояние раньше, — в идеологии, которая «прокидывает в прошлое» обиды и споры настоящего. Эту полемику ведут сегодня те, кто считает себя «антинорманистами». «Норманизм» как определённый тезис или идея остался во временах Миллера и Шлёцера, и сегодня его как научной школы или цельной концепции не существует.

По сути своих высказываний современные «антинорманисты» повторяют мысли учёных XIX в., например главную идею Геденова о тождестве варягов и вагров¹ или утверждения о некоем автохтонном «поморском» народе, обитавшем с палеолита на севере европейской части современной России². Построения современных «антинорманистов» подвергались критике, в том числе в работах крупнейших современных знатоков древнерусской истории³. Опираясь на эти работы, можно представить современный научный взгляд на проблему, которая является центральной в полемических выступлениях «антинорманистов», — происхождение названий «варяги» и «русь».

Прежде всего следует отметить ошибочность методики, которую применяют в своих этимологических построениях современные «антинорманисты». Эта методика через труды учёных XIX в., в сущности, восходит к средневековым трактовам значений слов, которые опирались на метод, часто обозначаемый как принцип «народной» или «ложной этимологии» — сближение разных

---

¹ См.: *Фомин В. В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — М., 2005.

² См.: *Грот Л. П.* Призвание варягов, или Норманны, которых не было. — М., 2013 и др.

³ См.: *Горский А. А.* К спорам по Варяжскому вопросу // *Российская история.* — 2009. — № 4. — С. 171—174; *Мурашёва В. В.* «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий к статье В. В. Фомина «Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян») // *Российская история.* — 2009. — № 4. — С. 174—180; *Кучкин В. А.* Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время? // *Российская история.* — 2010. — № 4. — С. 192—207.

по происхождению слов на основе случайных сопоставлений или созвучий¹. Такое сближение ясно просматривается в отождествлении летописных варягов и вагров.

На самом деле два этих названия совершенно разного происхождения.

Современные лингвисты едины в том, что слово *варяг* является заимствованием в древнерусский язык из древнескандинавского. Отождествление варягов с ваграми, по их мнению, считается ошибочным. В этнониме *wagrii* (известен только в латинской передаче) выделяется корень *wag(r)-*. Значение этого корня и его происхождение остаются неясными, но в любом случае он не связан с корнем *var-*, который морфологически чётко выделяется в составе древнерусского слова *варягъ* (мн. ч. *варязи*) вместе с суффиксом *-ягъ*. Корень *var-* восходит к древнескандинавскому слову *var* («обет, клятва»), а суффикс *-ягъ* объясняется учёными как передача древнескандинавского суффикса *-ing*, обозначающего принадлежность к некоей общности или коллективу (ср.: «Инг-л-инг», «вик-инг» и т. п.).

В этой, в общем, понятной и объяснимой с точки зрения лингвистики ситуации вполне закономерно замечание историка-медиевиста Е. А. Мельниковой в адрес последователей идеи С. А. Гедеонова об отождествлении варягов с ваграми. «На основании чего сопоставляются как родственные корни *wagr-* и *var-*? — пишет Мельникова. — Если они действительно этимологически связаны, то откуда взялось *-g-* в *wagr-* или почему оно пропало в *var-*?.. Звуки не появляются и не пропадают просто так, случайно или по недоразумению. Законы языка не менее непреложны, чем законы математики или физики. Никто ведь не станет утверждать, что $234 = 24$ — подумаешь, одна-то циферка выпала. Так же и в языке...»².

Со словом *русь* дело обстоит сложнее. На сегодняшний день его происхождение выяснено неокончательно. Из всех предложенных этимологий слова *русь*, по мнению автора, наиболее обоснованна и убедительна с лингвистической и исторической точек зрения скандинавская (примерно в том ключе, как её сформулировали ещё в XVIII в. Г.-З. Байер и Г.-Ф. Миллер). Согласно этой версии, первоначально древнескандинавское слово *русь* обозначало людей, которые плавали на лодках с несколькими рядами гребцов, — собственно, «гребцы» *rōr(e)r* (от древнего глагола *rōa* — грести). Это слово (в преобразованной форме *ruotsi*) заимствовали финские племена (родственные современным финнам и карелам), проживавшие

¹ Впрочем, приёмы «народной этимологии» применяют далеко не только «антинорманисты» — это, к сожалению, методика, весьма распространённая среди разного рода дилетантов, взявшихся за историко-лингвистические штудии. См., например, критику этих приёмов: *Зализняк А. А.* Из заметок о любительской лингвистике. — М., 2010.

² Мельникова Е. А. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Родина. — 2009. — № 9. — С. 76—77.

на восточном берегу Балтийского моря и вступавшие в различные отношения со скандинавами, которые приплывали к ним на таких лодках. От финнов это слово узнали восточные славяне (причём заимствование произошло не позднее рубежа VIII—IX вв.). В каком точно значении слово *русь* пришло в славянский язык, мы не знаем, но в древнейших письменных известиях о руси, относящихся к концу 830-х гг. (подробнее см. главу IV), оно уже выступает как этноним, то есть стало обозначением нового народа.

Кроме скандинавской версии происхождения слова *русь* есть и другие гипотезы. Обоснованными с лингвистической точки зрения считаются славянская версия происхождения этого слова (предложена польским лингвистом С. Роспондом) и иранская (сформулирована русским лингвистом О. Н. Трубочёвым). Роспонд находил этимологическую связь слова *русь* со славянским *русый*. Трубочёв искал корни слова *русь* в индо-арийских корнях, сохранённых в Северном Причерноморье через посредство ирано-сарматских народов, со значением «белый», «светлый». Предположения о кельтском, готском и других корнях слова *русь* современными исследователями всерьёз не рассматриваются.

Однако каково бы ни было происхождение самого названия *русь*, поиски в этом направлении мало что дают для суждений об образовании Древнерусского государства. Закljučая данную главу, ещё раз подчеркнём: никто — ни человек, ни народ — не мог «основать русскую державу», как заключал Шлёцер. «Держава», то есть государство руси, выросла из взаимодействия разных людей различного этнокультурного облика и происхождения. Носителями государственности были не отдельные личности — герои, правители и т. д., а в конечном счёте все те люди, которые признавали легитимность некоей власти (см. выше определение государства по М. Веберу) и называли (идентифицировали) себя неким именем, отсылавшим к этой власти. Взаимодействие этих людей невозможно представить адекватно, если замкнуться лишь на скандинаво-славянских отношениях. Древнерусское государство выросло на перекрестке контактов и влияний. Среди них явно просматривается скандинавский след. Однако не может быть ничего обидного для национальной гордости в признании вклада скандинавов в становление Древнерусского государства. В данном контексте можно согласиться с мнением специалиста по истории Древней Руси А. Н. Кирпичникова, который говорит, что «варяжское «призвание» отнюдь не принижало прошлого России. Так называемое иностранное вмешательство в её судьбу — результат нормальных общеевропейских контактов и всемирной этнокультурной открытости Руси, с самого начала включавшей в состав своего населения наряду с русскими более 20 народов, племён и групп»¹.

---

¹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. — М., 1986. — С. 192.

Нужно понимать, что древние книжники-летописцы испытывали большие трудности, пытаясь объяснить происхождение Руси, не разделяя, собственно, разные смыслы этого слова (которое обозначало и народ, и государство, и территорию). Полиэтничность, неустойчивость власти и политических институтов, размытые критерии и нестабильность самоидентификации — все эти и другие сложные факторы и обстоятельства, которые создавали государство руси, трудно понять и осмыслить человеку, не вооружённому достижениями и методикой современной науки. Сознанию на бытовом уровне гораздо проще оперировать понятиями, существующими уже как данность. Естественно, что и древние книжники-летописцы испытывали большие трудности, пытаясь объяснить происхождение Руси, не разделяя, собственно, разные смыслы этого слова, которое обозначало и народ, и государство, и территорию.

Составители ПВЛ не только должны были примирить и состыковать между собой разные источники, бывшие в их распоряжении и говорившие о руси по-разному. Им также было необходимо объяснить смешанный характер населения, оказавшегося под властью «руських князей» и называвшего себя русью, показать становление самой этой власти, выстроив логически и хронологически последовательную общую картину. Это была непосильно сложная задача, а следовательно, и нет ничего удивительного в том, что в труде летописцев много противоречий, в том числе и в характеристике некоей древней руси, которая в ПВЛ связывается то с варягами, то со славянами, но которая в конечном счёте непонятно «откуда есть пошла».

От современного исследователя требуется как умение разобратся в сложной текстологии начального летописания, так и понимание хода мысли и представлений авторов летописей о том, что бы мы сегодня назвали этнополитической историей. О том, как следует оценивать данные летописей, речь пойдёт в следующей главе.

Глава IV. Древнейшие известия о руси. «Призвание варягов»

В отечественной историографии, особенно научно-популярной, сложилась традиция начинать древнерусскую историю с первых летописных известий о руси — «призвание варягов», взятие Киева Олегом и пр. Нельзя признать эту традицию удачной. Как уже говорилось выше, летописные тексты, дошедшие до нас, были созданы в конце XI—начале XII в. Это значит, что их создание отстоит от фактов, о которых они повествуют, на два—два с половиной столетия. В достоверности этого повествования легко усомниться.

На фоне такого рода сомнений гораздо более надёжной выглядит информация, которую дают источники, близкие по времени создания и происхождения к упоминаемым в них фактам. О руси древнейшие аутентичные сведения дают западноевропейские,

византийские и арабо-персидские источники IX в. Далее эти сведения приводятся в хронологическом порядке с некоторыми фактическими пояснениями. В конце можно выделить некий минимум достоверных данных и сопоставить его с тем, что нам даёт современная археология, и в результате читатель получит представление о тех базовых знаниях о древнейшей руси, которыми располагают историки. Затем эти сравнительно достоверные и объективные знания можно сравнить с тем, что сообщает летопись о начале Руси.

На сегодня первым точно датированным известием о руси является сообщение франкской хроники «Бертинские анналы», получившей название по месту хранения рукописи в аббатстве святого Бертена (Франция). Информация происходила от людей, состоявших при дворе императора франков, и записи производились по горячим следам. В записи за 839 г. рассказывается, что 18 мая ко двору франкского императора Людовика Благочестивого, находившегося в местечке Ингельхайм на Рейне, вместе с посольством от византийского императора Феофила прибыли люди, назвавшие себя представителями «народа рос».

Перевод с латыни оригинального текста хроники выглядит так: византийский император Феофил прислал со своим посольством «ещё неких, утверждавших, что они, то есть их народ, называются рос и что их король, именуемый хаканом, направил их к нему [Феофилу], как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании он [Феофил] просил, чтобы по милости императора [Людовика] и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему [Феофилу] в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подверглись при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав [цель] их прихода, император [Людовик] узнал, что они из народа свеев (шведов), и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет»¹. Феофилу был послан ответ, что если представители народа рос окажутся достойными доверия, то Людовик их отпустит, а если нет — отправит обратно в Константинополь. Как разрешилось дело и что стало с этими «некими» из «народа рос» — об этом хроника умалчивает.

Свидетельство «Бертинских анналов» чрезвычайно важно, оно комментировалось и разбиралось исследователями Древней Руси многократно и в разных аспектах. С учётом этих исследований можно выделить наиболее достоверные сведения, которые оно содержит относительно «народа рос», то есть руси. Как уже выяснено в науке, франкский хронист использовал форму обо-

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 4.

значения руси, принятую греками, — ῥῶς, что на латыни было передано как *rhos*.

Из хроники ясно, что этот «народ» не был ранее известен франкам. Между тем «народ» этот, как заявили его представители, имел своего правителя, которого они (представители «народа») назвали тюркским титулом «хакан» (или «каган»). Этим титулом именовались правители государства авар (существовало в середине VI — конце VIII в.), а также Хазарии — наиболее сильного и заметного государства в Восточной Европе в тот период. Люди, которые пришли в Ингельхайм с византийским посольством и которым Феофил просил Людовика оказать содействие в возвращении на родину, очевидно, уже удостоились приёма в Константинополе. Франкскому императору удалось выяснить, что эти люди, представившиеся русью, говорили на шведском (древнескандинавском) языке. Вполне естественно, что это обстоятельство внушило ему подозрения — ведь в то время на империю франков совершались набеги скандинавы (норманны).

К сожалению, непонятно, где именно находилось государство руси, возглавляемое каганом. В «варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народах», с которыми пришлось бы столкнуться посланникам руси по дороге домой, историки предлагают видеть венгров, появившихся в 830-х гг. в степных кочевьях Северного Причерноморья. В таком случае надо думать, что русь обитала где-то севернее в лесостепной или лесной полосе, а её посланники надеялись добраться туда со среднего течения Рейна — то ли по воде (возможно, через Балтийское море), то ли каким-то путём по суше.

Так или иначе в первом письменном известии русь выступает как политическое образование государственного характера, которое объединяло разные этнокультурные традиции — его представители говорили по-древнескандинавски, а правитель носил тюркский титул. Естественно, исходя из того, что это государство должно было размещаться где-то в Восточной Европе севернее степной полосы, вполне можно предполагать в его составе и другие этнические элементы.

К сообщению «Бертинских анналов» примыкает свидетельство византийского источника, относящееся примерно к тому же времени. В «Житии святого Георгия Амастридского» (написано не позднее 842 г.), в рассказе об одном из посмертных чудес этого святого упоминается о набеге народа рос (ῥῶς) на Пафлагонию — область в Малой Азии на южном берегу Чёрного моря с центральным городом Амастридой. Набег состоялся, видимо, в начале 830-х гг. В этом свидетельстве русь выступает крайне воинственным и даже кровавым народом, всем своим «варварским» обликом совершенно чуждым грекам (в том числе и потому, что представители народа русь были язычниками). Как можно заключить из Жития, до Пафлагонии русь шла от Босфора вдоль побережья Чёрного моря. Очевидно, что руси были хорошо известны черноморские окраины Византийской империи.

Следующий блок информации о руси составляют ещё несколько известных византийского и немецкого происхождения, датированных третьей четвертью IX в. Наиболее известные среди них — это сообщения о нападении руси на Константинополь в 860 г., различные по происхождению и независимые друг от друга.

В византийских хрониках о набеге руси говорится коротко как об одном из событий правления императора Михаила III (842—867). В одной из них — так называемой «Брюссельской хронике» — указываются несколько точных деталей: «В его (Михаила. — *Прим. авт.*) царствование, 18 числа июня месяца, 8 [индикта], в 6368 году, на 5-м году его правления пришла русь с двумястами кораблями»¹. Это сообщение даёт нам возможность, во-первых, точно датировать набег — 18 июня 860 г. (в переводе на современное летоисчисление), а во-вторых, сделать вывод о количестве напавших русов. В тексте источника говорится, что русь пришла на 200 «кораблях», а значит, учитывая, что эти «корабли» должны были быть приспособлены для плавания по морю и что они не могли быть просто небольшими лодками (типа челноков-однодеревок), надо думать, что количество прибывших русов составляло несколько тысяч человек. По тогдашним меркам это внушительное войско.

О нападении руси на Константинополь говорит также известный церковный деятель Византии той эпохи патриарх Фотий. Очевидец набега, Фотий посвящает ему две проповеди (гомилии), обращённые к населению осаждённого Константинополя, — одна из них была произнесена во время осады города русами, другая — после их отступления. В этих проповедях много риторики, нацеленной в основном на то, чтобы подчеркнуть свирепость «варваров», нападение которых на столицу империи расценивалось как божья кара за грехи греков, и милость Господню в конечном освобождении города. Из текстов Фотия можно примерно восстановить ход осады и образ действий русов, но фактических сведений о руси как народе патриарх практически не сообщает — лишь то, что они были «с севера», их было много и они были «жестоки и немилосердны». Видимо, он сам мало что знал о них.

Кроме гомилий, Фотий упоминает о руси ещё в «Окружном послании», которое он написал в 866/867 гг. для распространения по церквям патриархата. В послании есть небольшой пассаж, описывающий усилия Греческой церкви в просвещении «варваров» (в частности, говорится о том, что русь приняла из Константинополя христианскую миссию). Христианство, по словам Фотия, приняли не только, например, болгары (с которыми греков связывали на тот момент уже давние отношения), «...но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии тот самый так называемый народ

---

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 2.

рос — те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на самую Ромейскую державу! — ныне, однако, и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере... что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды»¹. Из этого сообщения, помимо факта крещения руси (о котором ещё будет сказано ниже), следует, что этот «народ» не был этнически единым, — Фотий упоминает, что он «поработил живших окрест них». Очевидно, русь надо воспринимать как некое политическое образование, объединившее разные этносы. Слова Фотия, что русь «сами себя с любовью поставили в положение подданных и гостеприимцев», надо понимать как указание на мирный договор, который был заключён между греками и русью (и который греки, как им это было свойственно, трактовали как вассальный по отношению к ним).

В 871 г. состоялась переписка между византийским императором Василием I (867—886) и франкским императором Людовиком II (850—875). В тот момент Василий и Людовик выступали единым фронтом против арабов, и между союзниками возникла переписка, в ходе которой Василий I затронул принципиальную для византийской политической доктрины тему императорского титула. С его точки зрения, только константинопольский василевс имел право на такой титул, тогда как его усвоение франкскими государями являлось узурпацией. Послание Василия не сохранилось, но его содержание восстанавливается на основе подробного (по пунктам) ответа Людовика.

Один из аргументов византийского императора состоял в том, что правители разных народов носят различные титулы, а император — один для всех христиан. Людовик II попытался последовательно, со ссылками на латинские книги, оспорить все перечислявшиеся примеры такого рода титулований.

В этой полемике есть следующий пассаж: «Каганом же (chaganus), как мы убеждаемся, звался предводитель (praelatus) авар (Avares), а не хазар (Gasani) или норманнов (Nortmanni)...»². Очевидно, в послании Василия I титул кагана прилагался не только к главе хазар, в отношении которых это было известной официальной практикой византийской императорской канцелярии, но и каких-то «норманнов». Историки, пытаясь разобраться в том, кем могли быть эти норманны во главе с каганом, пришли к выводу, что это должна была быть русь — только у

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 2.

² Там же. — Т. 4.

руси, помимо хазар, был в то время правитель, носивший титул «каган».

Два источника южнонемецкого происхождения, упоминающие русь, не имеют точной датировки, но реалии, о которых они сообщают, можно отнести к концу IX в., и они примыкают к двум разобранным выше свидетельствам. В 902—907 гг. был составлен Раффельштеттенский устав — собрание таможенных правил, действовавших на территории Восточной Баварии (которая тогда включала и большую часть современной Австрии). Среди прочих установлений, содержащихся в уставе, есть и такое: «Славяне (Scilavi) же, отправляющиеся для торговли от руси (de Rugis) или от чехов, если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная или в каком-либо месте у реки Родль или в Ридмархе, с каждого вьюка воска [платят] две меры стоимостью в один скот (scoti) каждая...»¹.

В этом документе «русь» обозначает народ и/или государство, располагающееся на некоей территории, доступной с Дуная и в некоторой близости от Чехии. Как и Чехию, этот народ/государство представляют люди, являющиеся по этническому облику славянами. Они занимаются торговлей. Специальные исследования, учитывающие позднейшие данные, показывают, что торговый путь проходил с Дуная через Чехию в Среднее Поднепровье. Причём этот путь был только частью более длинного и обширного пути, связывающего Западную Европу и Азию, а Баварская восточная марка являлась одним из перевалочных пунктов транзитной торговли. Значительную часть коммерческой деятельности на этом пути составляла работоторговля².

Другой документ, составленный в монастыре Райхенау в Швабии (на Боденском озере, у истоков Рейна) приблизительно в третьей четверти IX в., представляет собой нечто вроде краткого географического справочника. В науке он получил название «Баварский географ». Это список народов и племён, преимущественно славянского происхождения, населявших в IX в. области восточнее Франкского государства, как правило, с указанием количества «городов» (urbes, civitates), принадлежащих тому или иному народу (по мере удаления от франкских границ это количество неумеренно возрастает и не заслуживает доверия). Часть этнонимов, содержащихся в данном источнике, не идентифицируется или их идентификация спорна. «Баварский географ» состоит из двух частей, причём вторая его часть представляет собой сведения, собранные, видимо, в 860-е гг. в ходе миссии Кирилла и Мефодия в Великой Моравии.

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 4.

² См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. — М., 2001.

Во второй части «Баварского географа» есть фрагмент с упоминанием о руси, который выглядит так (неидентифицируемые названия даны в латинском оригинале): «Velunzani, 70 городов, пруссы, во всех направлениях больше, чем от Энса до Рейна, Vuizzunbeire, хазары, 100 городов, русь (Ruzzi), Forsderen liudi, Fresiti, Seravici, Lucolane, венгры, висляне, сленжане, 15 городов, лужичане, 30 городов»¹ и т. д. Здесь русь оказывается рядом с хазарами, а затем с некими народностями, которые точно не идентифицируются, — но, видимо, перечисление этнонимов идёт с востока на запад, ориентируясь на Северное Причерноморье.

Наконец, отдельный, своеобразный и весьма содержательный блок информации о древнейшей руси составляют сообщения арабо-персидских географов. В Арабском халифате сложилась довольно устойчивая и богатая традиция написания обзорных трактатов о географии, населении и устройстве ойкумены. К этим трактатам примыкают и разного рода записки путешественников (такие, например, как записки ибн Фадлана). В этих текстах учёные находят как упоминания, так и целые рассказы о руси. Однако трактовка этих упоминаний связана с большими текстологическими трудностями, так как разные авторы IX—XII вв. могли заимствовать те или иные фрагменты и пассажи текста у своих предшественников, часто дополняя и корректируя их, но никак не оговаривая ни свои источники, ни свою правку. По этой причине исследователям бывает трудно восстановить оригинальный текст в том или ином месте, датировать его и отнести к тому или иному конкретному автору.

Тем не менее два текста довольно уверенно возводятся к IX в. Один из них представлен в трактате «Книга путей и стран» географа ибн Хордадбеха (ок. 820 г. — конец IX или начало X в.). Возможно, его рассказ о русах восходит к 840-м гг., но в любом случае, как общепризнанно в науке, он принял тот вид, в котором дошёл до нас, не позднее 880-х гг. Рассказывая о торговых путях в Европе и Азии, ибн Хордадбех пишет следующее: «...Что касается купцов руси, — а они вид славян, — то они везут мех, меха чёрных лисиц и мечи из отдалённых [земель] славян к Румийскому морю, и берёт с них (купцов) десятину властитель Рума. А то идут по [Та]нису, реке славян, входят в Хамлидж, город хазар, и берёт с них десятину их (хазар) властитель. Затем отправляются к Джурджанскому морю и выходят на каком-либо облюбованном его берегу. А окружность этого моря — 500 фарсахов. Иногда везут свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад, и переводят им славянские слуги, и говорят они, что они — христиане, и платят джизью»².

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2010. — Т. 4.

² Там же. — Т. 3.

Ибн Хордадбех, таким образом, представляет русь «видом» «славян» (о которых он ещё упоминает в других местах своего трактата вне всякой связи с русью). Это указание требует двух пояснений. Во-первых, арабское обозначение «славяне» (сака́либа) в Средневековье не имело точной этнической привязки и имело приблизительно-описательный характер, так что арабо-персидские писатели могли обозначать этим словом не только собственно славян, но и другие соседствующие со славянами и плохо известные арабам народы. Во-вторых, отождествление руси и славян присутствует только у ибн Хордадбега, в то время как во всех остальных известных на сегодняшний день текстах средневековой арабо-персидской традиции русь и славяне последовательно разделяются как разные народы. Учитывая эти обстоятельства, надо полагать, что ибн Хордадбех использовал в данном случае термин «сакалиба» в расширительном (не точно этническом) смысле, имея в виду лишь то, что русь была тесно связана со славянами. Его описание путей, которыми двигались русы, заставляет думать, что эта тесная связь выражалась собственно в том, что русь жила на тех же территориях, где жили «славяне».

По словам ибн Хордадбега, русы везли меха и мечи из земель «славян» к Чёрному (Румийскому) морю или шли по Дону (Танаису) — реке «славян» — в Каспий (Джурджанское море). В первом случае торговую пошлину (десятину) с них брали от имени византийского императора, во втором — хазарского кагана. От Каспийского моря русы могли добираться и до Багдада, причём помогали им «славянские» слуги. Весьма существенным является указание, что русы представлялись в Багдаде христианами и платили джизью — подушную подать, предусмотренную для немусульманского населения, в том числе христиан.

Другой рассказ о руси даёт некий текст, который в науке получил название «Анонимная записка» и который восходит к каким-то авторам второй половины IX в., возможно, к несохранившейся части сочинения того же ибн Хордадбега. В древнейшем виде этот текст представлен в труде «Книга дорогих ценностей» учёного по имени ибн Русте, работавшего в начале X в. Описание русов здесь дано отдельно от описания славян, правителем которых указан, видимо, князь Святополк, правивший в Великой Моравии в 871—894 гг. О руси говорится следующее:

«Что касается руси (ар-Русийа), то они — на острове, окружённом озером. Остров, на котором они живут, протяжённостью три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как она трясётся из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан-рус. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. У них нет пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) да-

рит новорождённому обнажённый меч, кладёт его перед ребёнком и говорит: «Я не оставляю тебе в наследство никакого имущества, и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретёшь этим мечом».

И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают желающим. Получают они плату деньгами и завязывают их в свои пояса. Они опрятны в одежде, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют (ими). У них много городов, и живут они привольно. Гостям оказывают почёт, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают его. Мечи у них сулаймановы (франкские. — *Прим. авт.*). И если какой-либо их род поднимается (против кого-либо), то вступаются они все. И нет (тогда) между ними розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят. И если один из них возбудит дело против другого, то зовёт его на суд к царю, перед которым (они) и препираются. Когда же царь произнёс приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием (мечами), и чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники (обеих сторон) приходят вооружённые, становясь [в ряд]. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, тот и считается выигравшим дело.

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царём, как будто бы они их (руси) начальники. Случается, что они приказывают принести жертву Творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждёт, пока она не задохнётся, и говорит, что это жертва богу.

Они храбры и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победённых истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги и походы совершают на кораблях.

[Русы] носят широкие шаровары, на каждые из которых идёт по сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку у колен, к которым затем и привязывают... Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому-то из них удаётся приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнёт ему завидовать и пытаться его убить и ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним

кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»¹.

Данные «Анонимной записки» самые пространные, и они, конечно, заслуживают особенного внимания. На первый взгляд наиболее существенными представляются упоминание о кагане как правителе руси (подтверждающее свидетельства «Бертинских анналов» и письма Людовика II) и указание на место обитания руси на некоем «острове», а также описания отношений руси со славянами и их внутреннего устройства.

Этими свидетельствами практически исчерпываются данные о руси, которые можно отнести ко времени до конца IX в. Они неоднозначны и даже в чём-то противоречивы, и неудивительно, что в литературе они вызывают различные трактовки. Однако вполне исчерпывающего и последовательного анализа этих данных в современной научной литературе не существует. Последний их обзор был представлен в статье А. В. Назаренко², но автора интересовал главным образом вопрос о локализации «каганата руси», или «русского каганата» (как иногда в литературе не совсем верно называют политическое объединение руси под властью кагана).

В самом деле, если само наличие у руси по крайней мере с 830-х гг. некоего политического объединения во главе с правителем, носившим титул кагана, выглядит бесспорно, вопрос о том, какие, собственно, территории «каганат», занимал, все эти упоминания и рассказы о руси оставляют открытым, и не случайно этот вопрос наиболее активно обсуждается в литературе последних лет.

С одной стороны, если сообщаемые в источниках сведения о русах соотнести с картой, то окажется, что их деятельность достигала в крайних точках Рейна и Багдада, но концентрировалась в основном в Причерноморье. Наиболее тесные контакты у руси были с Византией и Хазарией («Баварский географ» указывает хазар как соседний с русами народ). Хазарский правитель носил титул кагана, и было бы вполне естественно, что правитель руси принял тот же титул с намерением обозначить свой статус как равный по отношению к ближайшему могущественному и богатому соседу. Эти и некоторые другие соображения склоняют часть историков к тому, чтобы размещать «каганат руси» там, где мы застаём центр Руси в X—XI вв., — в Киеве (или, шире, в Среднем Поднепровье); возможно, также восточнее — в Подесенье и Подонье. Эта точка зрения была принята в советской историографии, так как в таком случае получалось, что основным населением

¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. — М., 2009. — Т. 3.

² См.: Назаренко А. В. Русь IX в.: обзор письменных источников // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 12—35.

«каганата» были славяне, занявшие в VIII—IX вв. лесостепные и лесные районы в бассейне Днепра, Десны и Дона¹. Тем самым подкреплялся основной тезис «антинорманизма» об «автохтонности» Древнерусского государства и преемственности развития этого государства от VIII—IX вв. к позднему времени.

Но с другой стороны, красноречивое сообщение «Анонимной записки» о проживании руси на некоем острове с болотистой почвой и лесами заставляет локализовать её место проживания гораздо севернее — возможно, в верховьях Волги или на Волхове, где позднее вырос Новгород.

Конечно, нельзя также игнорировать прямые указания источников, что русь — некий отдельный от славян народ. В IX в. славяне были хорошо знакомы византийцам, и именно при патриархе Фотии в 860-е гг. к славянам в Моравию были отправлены братья Кирилл и Мефодий с просветительской миссией. Однако, как свидетельствует письмо Людовика II Василию I, византийцы связывали русь не со славянами, а с «норманнами». Показательно, что послы руси, прибывшие в Ингельхайм в 839 г., говорили по-древнескандинавски. В «Анонимной записке» говорится, что у руси существовал обряд захоронения в могиле в виде «большого дома», опущенного в землю, куда помещали имущество, провизию, животных и даже жену покойника. Этот обряд хорошо известен археологам, которые называют его «камерное погребение». Такого рода погребения были распространены в Скандинавии. Именно из Скандинавии данный погребальный обряд приходит на Русь («камерные погребения» фиксируются на Руси с конца IX в.), причём, как правило, в захоронениях широко представлены артефакты скандинавского облика и происхождения. Но, признавая значительный скандинавский элемент среди русов или даже просто их скандинавский облик в IX в., исследователи не могут разместить их «каганат» в области славянского расселения на юге Восточно-Европейской равнины, потому что вплоть до рубежа IX—X вв. там совершенно отсутствуют скандинавские древности.

Археология даёт такую картину распространения следов скандинавов, если иметь в виду не просто свидетельства контактов той или иной области Руси со Скандинавией, а именно длительное пребывание (проживание) выходцев из этого региона. Древнейшие артефакты, явно связанные со скандинавами, фиксируются в Ладоге приблизительно с середины VIII в. Это поселение носило в основном торгово-ремесленный характер, связанный с функционированием судоходного пути из Балтики во внутренние районы Восточной Европы. Скорее как административно-военный центр возникло в середине IX в. городское поселение у истока Волхова из озера Ильмень — Рюриково Городище. Оно было

---

¹ В постсоветской историографии приверженцем данной точки зрения был, например, В. В. Седов, а в настоящее время её отстаивает П. П. Толочко.

связано со славянской округой, но скандинавы там, несомненно, играли важную (если не ведущую) роль. Контакты с Балтикой с начала IX в. связывали поселение финноязычной народности меря на озере Неро, известное как Сарское городище (напротив Ростова на другом берегу озера), но о постоянном присутствии скандинавов в Верхнем Поволжье можно говорить лишь применительно к последней трети IX в. Наконец, с рубежа IX—X вв. широко и ярко представлены скандинавские древности в Гнёздовском археологическом комплексе и в Среднем Поднепровье, особенно в Киеве и Чернигове.

В связи с этим некоторые исследователи (Дж. Шепард, В. Я. Петрухин и др.) размещают «каганат руси» именно на севере, а его центр — резиденцию кагана — видят в поселении на Рюриковом Городище.

Такой подход имеет основания, но и свои проблемы. Во-первых, справедливо указывалось, что при такой локализации каким-то чудом выглядит набег руси на Константинополь в 860 г. Собрать большое количество людей для такого военного предприятия и прибыть к Константинополю уже 18 июня, если организационный центр находился на Волхове, удалённом от черноморского побережья на 1,5 тысячи километров (по прямой), представляется совершенно невозможным, учитывая навигацию на реках Восточно-Европейской равнины и тогдашние коммуникации¹. Во-вторых, размещение кагана руси в (Рюриковом) Городище сталкивается с хронологической нестыковкой — первые известия о руси относятся к 830-м гг., а каган уже совершенно точно был в 839 г. Между тем археология фиксирует возникновение поселения на (Рюриковом) Городище не ранее середины IX в. В-третьих, такая локализация совершенно не сочетается с тем фактом, что позднее — в источниках XI в. (например, в древнейшей части Русской Правды) — жители Новгородской земли назывались словенами или новгородцами и противопоставлялись южной поднепровской руси. В-четвёртых, эти неувязки и общие соображения о том, как протекали процессы этнополитической интеграции в раннесредневековой Европе (см. выше в главе III), заставляют усомниться в том, следует ли напрямую связывать русь IX в. именно и только со скандинавами и признавать её наличие лишь там, где фиксируются скандинавские древности.

В современной литературе подчёркивается разнородный и неустойчивый характер таких политических объединений, как, например, Готская держава или Аварский каганат². Собственно, готы или авары составляли незначительное меньшинство в этих объединениях самых разных племён и народностей и служили

¹ См.: *Леонтьев А. Н., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII—X в. // *Русь в IX—X веках. Археологическая панорама.* — Вологда, 2012. — С. 398—399.

² См., например: *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). — М., 2003.

лишь своего рода «ядром» власти и некоей культурной традиции, на которую ориентировались остальные. Так же возникла, например, и Франкская держава.

Если видеть в скандинавах такого же рода «ядро» (то есть динамичную и мобильную верхушку, способную установить постоянные связи между разнородными общностями людей), то «каганат руси» можно представить себе как некое рыхлое и поверхностное политическое объединение наподобие других политий эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, громко заявивших о себе в какой-то момент, но нестабильных и часто просто эфемерных. Отличие «империи» руси от большинства других «империй» I тыс. н. э. состоит в том, что крепилась она не столько силой принуждения, сколько коммерческими интересами, а мобильность верхушки обеспечивалась не кочевой конницей (как в тех же Готском и Аварском государствах), а судходным мастерством.

Объединение, созданное русами в IX в., держалось прежде всего на масштабной торговле, которую они оказались в состоянии осуществлять на больших расстояниях — от Балтики до Багдада и от Рейна до волжских степей. Основными предметами обмена были меха, поступавшие из лесной зоны Восточно-Европейской равнины, и серебро (обычно в монетах — дирхемах), поступавшее из Арабского халифата, хотя торговали также рабами, воском и другими продуктами лесного промысла и пр., а с другой стороны — изделиями из стекла, тканей, драгоценных металлов и пр. Этот обмен приносил те или иные выгоды не только посредникам, но и тем, кто их обеспечивал и «производил» товары на местах.

Об этой торговле и торговых путях много пишется в современной научной литературе¹, и они выявляются как по археологическим, так и по письменным источникам (в особенности по сообщениям ибн Хордадбеха и «Анонимной записке»). Археологическими следами являются клады арабских монет. Если выделить отдельно клады, оказавшиеся в земле (как говорят археологи, «выпавшие») в VIII—IX вв., и сопоставить их с другими данными (находками импортных вещей, результатами исследований могильников и поселений и др.), то хорошо видны несколько торговых путей или, точнее, направлений, по которым функционировал обмен, и узловых точек на этих направлениях.

Из Халифата товары поступали через Каспий и отчасти Кавказ, из Византии — через её черноморские колонии (прежде всего Херсонес). На Восточно-Европейской равнине основными торговыми артериями в IX в. были Дон и Волга. Верховья Дона были заняты преимущественно славянами, Волга в её нижнем и среднем течении контролировалась соответственно Хазарией

¹ См., например: *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды / Под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. — М., 2011.

и усилившейся к концу IX в. Болгарией (с центральным поселением при впадении Камы в Волгу). «Транспортным узлом» в верховьях Волги были поселения в районе обитания финнского племени меря. С верховьев Дона и Оки, а также с Волги и верховьев Днепра товары с юга поступали в Балтийское море через Волхов и Ладожское озеро (а отчасти через Западную Двину и, возможно, другие речные пути).

Важно отметить, что в IX в. Среднее Поднепровье было вовлечено в этот «трансевропейский» обмен в меньшей степени. Здесь было и меньше населения по сравнению с гораздо более населённой областью проживания славян в бассейнах Дона и Оки на пограничье с Хазарским каганатом. Часть славян, признавших власть хазар, кочевые и полукочевые народы, расселившиеся в северо-западной части Хазарского каганата (в частности, аланы), оставили своеобразную материальную культуру, получившую название у археологов салтово-маяцкой¹.

Конечно, нельзя говорить о монополии скандинавов в этой торговле. Но для археологов их «активность в торговых операциях сомнению не подлежит», и одним из ярких подтверждений этой активности являются рунические граффити на куфических монетах, которые находят в кладах. Как показано специалистами, «география таких меченых монет гораздо шире восточноевропейского ареала изделий скандинавского происхождения и охватывает всё пространство, маркированное кладами конца VIII—X в.: от Прибалтики на северо-западе до Нижнего Прикамья на востоке и нижнего течения Днепра, Дона и Волги на юго-западе и юге. Рунические знаки не обязательно оставлены владельцами клада, но являлись автографами тех, через чьи руки эти монеты проходили»².

«Каганат руси» можно представить себе как своего рода сеть (в смысле английского слова *network*), соединявшую разные народности на огромной территории, жившие, как писал ибн Русте, «привольно» и во «многих городах». Движущей и крепящей силой этой «сети» была мобильная и динамичная группа людей, занятых торговлей и войной. Эту группу составляли преимущественно скандинавы, движимые (как и их соотечественники, нападавшие на западноевропейские города и государства) жадной добычи и наживы. Как и норманны в Западной Европе, скандинавы в Восточной Европе часто оседали на удобных для проживания землях и более или менее отрывались от родины. Славянам они стали известны под тем именем, которым их называли финны, контактировавшие со скандинавами ещё в

¹ См., например: *Тортика А. А.* Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы (вторая половина VII—третья четверть X в.). — Харьков, 2006.

² *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII—X в. // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 394.

VI—VIII вв. (ruotsi). Как доказывают лингвисты, в славянский язык это имя (в виде слова «русь») должно было попасть ещё до начала IX в., а от славян оно уже перешло в греческий и древневерхненемецкий языки. Имя было, вероятно, первоначально не столько этнонимом, сколько политонимом, то есть обозначением всех людей независимо от их этнического происхождения, так или иначе причастных к деятельности этой группы воинов-торговцев и признавших власть их «кагана». Если в греческий и древневерхненемецкий языки это название попало от славян ещё до начала IX в., значит, какие-то славяне уже к этому времени использовали это имя как самоназвание.

Возможно, нет смысла искать некий один центр политики, где обязательно должен был находиться постоянно правитель — «каган руси». Такой центр мог вовсе отсутствовать. Для раннесредневековых государств в этом не было ничего особенного. Во многих из них не было столицы в более позднем смысле этого слова, и правитель не имел одной резиденции, а перемещался между разными или просто переходил из одного центра в другой, где население обязано было его снабжать всем необходимым (примерами могут служить Восточно-Франкская империя и Германское королевство X—XII вв.).

«Ядро» (или «верхушка») политического объединения руси должна была постоянно перемещаться, а если кто-то и оседал, то в разных местах — кто-то на севере (где была такая сырая почва, что это поражало арабов и заставляло их специально отмечать это обстоятельство), а кто-то на юге, среди славян, ближе к тем областям, где можно было вступить в личный контакт с арабами. Важно учитывать, что в такой ситуации эти русы совсем не обязательно должны были сохранять в неприкосновенности свою скандинавскую материальную культуру и их следы едва ли могут быть зафиксированы археологически.

Но какова бы ни была локализация «каганата руси», по приведённым выше данным ясно выглядит его сущность — это было полиэтничное объединение, державшееся на доходах от торговли. Сторонние наблюдатели — византийцы, арабы или немцы — сталкивались главным образом со скандинавами, выполнявшими функцию «клеящего вещества» в этом объединении. Но в него входили самые разные народы, и это следует из сообщений тех же наблюдателей (ср. о народах «окрест» руси у патриарха Фотия или замечания о славянах у арабских авторов).

О торговле как главном занятии русов настойчиво пишут те же арабы. Стоит только добавить, что сплавляла людей вокруг русов не только торговля, но и война. Для византийцев русы представляли прежде всего военную угрозу. Набег на Константинополь в 860 г. был, видимо, самым ярким эпизодом грабительской деятельности руси в IX в., но явно не единственным. По арабским данным, русь также предстаёт весьма воинственной. Добыча, полученная от набегов на богатых соседей, — вот, ви-

димо, ещё один стимул, который заставлял самых разных людей идентифицировать себя с русью.

Можно ли что-то сказать о внутреннем устройстве «каганата руси»? «Анонимная записка» даёт некоторый материал для суждений. Во-первых, обращает на себя внимание слабость правителя руси, которого ибн Русте сначала называет каганом, а потом более общим термином «царь-правитель» (араб. малик). Он вроде бы осуществляет суд, но его решение не окончательное — «если обе стороны недовольны приговором царя», то дело решает уже не он, а поединок тяжущихся. Бóльшим, чем царь, авторитетом обладают «знахари» — очевидно, жрецы (волхвы). Их приказаний уже послушаться нельзя. Во-вторых, существенно, что в «Анонимной записке» говорится о царе, но при этом вовсе не упоминается ни о налогах, ни о каком-либо аппарате управления в «каганате руси». В-третьих, в «Записке» сказано о роли родственных отношений в среде руси: любые конфликты, включая судебное разбирательство, решались только родами, а не индивидуально. В-четвёртых, в «Анонимной записке» русь выступает безоговорочно язычниками. О том, что кто-то из них исповедовал христианство, нет ни слова, хотя другие источники — Фотий и ибн Хордадбех — прямо говорят об этом. Очевидно, принятие христианства, о котором говорил Фотий, было каким-то эпизодом в истории руси IX в. Возможно, крестилась какая-то незначительная часть русов, и тогда это ещё одно свидетельство об отсутствии централизации в «каганате», а может быть, к концу IX в. произошла языческая «реакция», и русы отказались от христианства.

Всё это говорит о «каганате руси» как поверхностном и неразвитом объединении. Оно не имело чётко очерченной территории, нет сведений и о специальных (выделенных из родовых коллективов) учреждениях суда и управления, монотеизм не прижился в этом обществе. К «каганату руси» неприменимо понятие государства даже в том «расширительном» смысле, который употребителен в русскоязычной историографии (см. Введение). Люди разного происхождения, называвшие себя русью и признавшие власть некоего верховного правителя (кагана), составляли уже не родовой или соседский коллектив, их объединяли определённые экономические и политические связи. Но это объединение явно было неустойчивым и несамодостаточным. Его существование находилось в прямой зависимости от торговой конъюнктуры, которая определялась более развитыми государствами, и от возможностей грабить наиболее доступные из них. Такое объединение очень напоминает ранние политические образования германских племён, паразитировавших на окраинах Римской империи в первых веках нашей эры. Эти образования могли быть весьма обширны (например, Готская держава), но кризис и распад их были неизбежны. Кризис, судя по всему, претерпел и «каганат руси». На рубеже IX—X вв. население Восточно-Европейской равнины

переживает потрясения, которые привели к существенным территориально-экономическим и политическим изменениям.

***

Летописных свидетельств, касающихся истории руси в IX в., не так много, но мимо них — и прежде всего знаменитого рассказа о «призвании варягов» — пройти нельзя. Какими предстают известные летописные рассказы на фоне того, что говорят наиболее надёжные и достоверные аутентичные источники, рассмотренные выше?

Надо признать, что в русскоязычной историографии сложилось весьма неоднозначное отношение к древнейшим известиям начального летописания. По мере того как в течение второй половины XVIII—XIX в. в науке накапливались, помимо летописных, иные источники и совершенствовались источниковедческие методики, доверие к летописи падало. Тенденциозность летописцев, прославлявших киевских князей, противоречия как между разными летописными списками, так и между летописями и другими источниками становились всё более очевидны. К центральному сюжету о «призвании варягов» и ко многим другим сюжетам начального летописания были найдены параллели в других литературных традициях, ставившие под сомнение реальность этих сюжетов.

Скепсис по отношению к летописи усилили работы А. А. Шахматова, который, переработав огромный летописный материал, доказал, что текст ПВЛ, традиционно использовавшийся для реконструкции древнейшей истории Руси, правился редакторами в несколько приёмов и что составлению ПВЛ в начале XII в. предшествовали более ранние этапы летописания в XI в. Шахматов попытался реконструировать первоначальный текст. Но, во-первых, сложные текстологические построения Шахматова, которые он во многом только наметил, но не успел (из-за преждевременной кончины) развить в последовательную концепцию, вызывали разного рода сомнения. А во-вторых, даже если и принимать выводы Шахматова и, отвергая ПВЛ, пытаться опираться на некий первоначальный текст, надо признать, что он не мог быть составлен ранее начала XI в. (когда на Руси появилась полноценная книжная письменность) и что всё равно между этим текстом и описанными в нём событиями остаётся слишком большой временной разрыв. Даже этот реконструированный (допустим, убедительно) текст не может быть надёжной базой для суждений об истории руси в IX в.

Попытки как-то использовать выводы Шахматова и примирить летописные данные с другими (в том числе с данными археологии, которые с начала XX в. становились всё более красноречивыми) привели скорее к неутешительным выводам. В начале 1930-х гг. автор обзора исследований сказания о «призвании варягов», проведённых к тому времени, подводил итог: все «недоумения» и «сомнения» по содержанию летописного рассказа «привели исследо-

вателей к заключению, что или первоначальный текст отрывка о призвании искажён до невозможности его восстановления, или что он является позднейшей реконструкцией, возникшей путём комбинирования разных легенд, существовавших об этом событии»¹.

В советской историографии, борющейся с «норманизмом», объективное исследование древнейшей истории руси было затруднено, и исследователям приходилось удовлетворяться официально одобренной схемой. В этой схеме сюжет рассказа о «призвании варягов» оценивался как выдумка позднейших книжников и подчёркивалось, что у славянских племён уже сложилось государство независимо от скандинавов. В то же время присутствие в Восточной Европе норманнов-«находников» в принципе не отрицалось, а другие сообщения летописи (помимо «призвания варягов») не подвергались особому сомнению, потому что они связывали становление Древнерусского государства с киевским славянским Югом Руси. В результате в историографии было признано скандинавское происхождение самой династии, которую основал Рюрик и которая перебралась из Новгорода в Киев, а в целом за основу исторических реконструкций были взяты общая канва и хронология событий по ПВЛ.

Известиям иностранных источников, рассмотренным выше, места в этой схеме не находилось. Сообщение «Бертинских анналов», свидетельствующее, что среди русов были шведы, рассматривалось с «антинорманистской» точки зрения как подозрительное. Упоминания кагана связывали русь с иудейской Хазарией и кочевниками, что тоже нарушало концепцию Руси как «славянского государства». В итоге первые надёжные сведения о руси (известие «Бертинских анналов», арабские данные и пр.) попросту игнорировались, а неспециалистам история преподносилась в упрощённом изложении летописи.

Возврату доверия к летописи к концу XX в. по сравнению с его началом способствовала теория, которую выдвинули в конце 1980-х гг. историки Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин. Она сводилась к мысли о том, что рассказ о «призвании варягов» донёс до нас реальные исторические факты. По их мнению, текст рассказа по ПВЛ воспроизводит исторически достоверный «ряд» (договор) — «соглашение представителей местной власти с группой скандинавов, поставленной этим соглашением в зависимость от местного общества». Подтверждения своего мнения авторы находят в сюжете призвания, отдельных выражениях сказания, которые отражают «пласт славянской правовой терминологии, имеющей архаичные истоки», а также в некоторых исторических огнях². В отличие от трактовок, принятых в советской историо-

¹ *Мошин В. А.* Начало Руси: норманны в Восточной Европе // *Byzantino-slavica*. — Prague, 1931. — S. 299. — Т. 3.

² См.: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // *Вопросы истории*. — 1995. — № 2. — С. 55.

графии, Мельникова и Петрухин утверждали, что сказание имеет не книжно-«искусственный» характер, а черты «устного предания», возникшего «во второй половине IX в.» и донёсшего до летописи историческое «зерно истины».

В настоящее время вопрос «верить или не верить летописи» является одним из самых острых и обсуждаемых среди специалистов по истории Древней Руси. Он провоцирует как исследования самих летописей, так и сопоставление их с независимыми источниками. В русле летописеведческих штудий произошло возрождение интереса к трудам А. А. Шахматова, хотя, разумеется, среди исследователей может быть разное к ним отношение¹. В духе подхода Шахматова летопись рассматривается прежде всего как свод, то есть сложный литературный памятник, включивший предшествующие летописные тексты, а часто и не летописные, но при этом сохранивший некоторое внутреннее единство. Особое внимание уделяется контексту отдельных записей и больших летописных текстов, их связи с библейскими сюжетами и мотивами, которые задавали книжникам своего рода архетипы восприятия и осмысления действительности. Летопись изучается в контексте фольклора и устной традиции в сопоставлении с иными литературными, хроникальными и анналистическими традициями².

Не углубляясь в детали и разные аспекты этих исследований, важно отметить, что при всех различиях в подходах и оценках никто из современных серьёзных исследователей не воспринимает летопись прямолинейно и без критического «фильтра». Даже те из исследователей, кто настроен более оптимистически в отношении достоверности летописных данных, осознают, что их надо тщательно отделять от легендарных и идеологических наслоений.

В данном случае можно указать только на несколько наиболее ярких и важных примеров неоднозначности или просто недостоверности летописных сообщений. Затем сравним информацию, которую сообщает летопись о руси IX в., с той, которая была представлена выше на основе аутентичных источников.

Первые конкретные сведения ПВЛ о том, «откуда есть пошла Русская земля», приводятся в недатированном введении после рассказа о расселении народов³. И сразу мы сталкиваемся с без-

---

¹ См., например, материалы конференции, посвящённой 100-летию выхода книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. — 2008. — № 3 (33).

² См., например: *Мухеев С. М.* Кто писал «Повесть временных лет»? — М., 2011; *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. — М., 2012; *Петрухин В. Я.* Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры. — М., 2013.

³ См.: *Повесть временных лет.* Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / Под ред. В. А. Адриановой-Перетц. [Доп. М. Б. Свердлова]. — СПб., 1996.

условно легендарной информацией. К описанию «пути из варяг в греки» примыкает рассказ о путешествии апостола Андрея по этому пути (только в обратном направлении: с Чёрного моря в Балтийское) с эпизодом о том, как словене моются в банях. Разумеется, Андрей Первозванный, живший в I в., никак не мог оказаться в Восточной Европе и тем более застать на Волхове словен (в реальности появившихся там не ранее VIII в.). Далее излагается история возникновения Киева. Согласно ПВЛ, город был основан князем Кием, имевшим двух братьев и сестру, по имени которых в Киеве названы две горы и река. Этот рассказ носит все характерные черты так называемых эпонимических легенд, то есть объяснений топонимов через имена божеств или предков. Однотипные легенды такого рода известны у славянских и других народов¹. Показательно, что автору этого рассказа приходится отвергать неких его «несведущих» современников, утверждавших, что Кий был не князь, а «перевозник» (лодочник-перевозчик через Днепр). Очевидно, предания ходили разные, а какое они имели отношение к действительности, и тогда-то, в начале XII в., было разобраться трудно, а нам сегодня тем более.

Введение ПВЛ предвещает историческое повествование, изложенное по годам в соответствии с летосчислением от Сотворения мира (разница от летосчисления от Рождества Христова — 5508 лет). В первой годовой статье под 6360 (852) г. утверждается, что в тот год, в правление византийского императора Михаила, «начася прозывати Руська земля». Летописец заявляет, что и датировка, и само утверждение сделаны им на основе «летописанья греческого», в котором говорится о нападении руси на Константинополь (том самом, описанном патриархом Фотием). Как выясняется в результате исследований, и эта дата, и все последующие вплоть до статьи 6420 (912) г., где приводится договор руси и византийцев, являются плодом вычислений и догадок нескольких поколений летописцев, опиравшихся на некий первоначальный летописный рассказ, не имевший датировок, а также на византийские хроники (прежде всего «Хронику Георгия Амартола»), в которых история излагалась не по датам, а по правлениям императоров. Эти догадки и вычисления были произвольны². В тех случаях, когда их можно проверить, они оказываются ошибочны, как, например, даты начала правления императора Михаила и нападения руси на Константинополь. Так Михаил III начал править не в 852 г., а в 842 г.; летописец относит поход руси на Константинополь к 866 г., хотя точно известно, что он состоялся в 860 г. В разных летописях и датировки оказываются различными. Так, в более раннем «Начальном своде»,

¹ См.: *Щавелёв А. С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. — М., 2007.

² См.: *Лурье Я. С.* Россия Древняя и Россия Новая. — СПб., 1997. — С. 56—99.

отразившемся в Новгородской 1-й летописи младшего извода, сообщение о походе руси 860 г., сказание о «призвании варягов» и другие сообщения оказались в одной годовой статье 6362 (854) г. Расхождения в датировках есть даже между основными древнейшими списками ПВЛ — Троицким (утраченным, но частично восстанавливаемым), Лаврентьевским и Ипатьевским.

Даты, под которыми в ПВЛ изложены сказание о «призвании варягов» (6370 (862) г.) и рассказ о взятии Киева Олегом (6390 (882) г.), также являются результатом искусственных реконструкций составителей ПВЛ, которые отталкивались от дат договоров руси и византийцев 907, 911 и 944 гг. и даты смерти князя Игоря (945), появившейся, видимо, на каких-то ранних этапах летописания, но, как выясняется, тоже неверной (Игорь погиб, видимо, на один-два года позднее). Эти даты связаны с датировками правления Рюрика, Олега и Игоря. А. А. Шахматов выдвинул предположение, что кто-то из составителей ПВЛ просто отвёл на правления Игоря и Олега по 33 «эпических» года и, исходя из 945 г., получил 912 год как год вокняжения Игоря (и соответственно смерти Олега), а 879 год как год вокняжения Олега (и смерти Рюрика). Предположение Шахматова подтверждается, хотя и с некоторыми уточнениями, современными исследованиями¹.

Сам рассказ о «призвании варягов», как убедительно продемонстрировал Шахматов в работах «Сказание о призвании варягов» и «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», отразился в более раннем и близком виде к первоначальному не в ПВЛ, а в Новгородской 1-й летописи младшего извода. Но и в той и другой версиях рассказа в нём обнаруживаются разного рода противоречия и явные черты легендарного или литературного происхождения.

Эти противоречия бросаются в глаза даже неподготовленному читателю, взявшему в руки любую из редакций версии или тем более сравнившему разные. Так, в разных летописях называются разные народности, «призвавшие» варягов: в Новгородской 1-й летописи — словене, кривичи, меря и чудь (причём указание чуди носит характер более поздней вставки); в ПВЛ отсутствует меря, но добавлена весь (вепсы), причём в большинстве списков ПВЛ этот этноним спутан с местоимением «весь/все». Разными указаны города, где обосновался Рюрик: в Новгородской 1-й летописи это Новгород, в ПВЛ по Ипатьевской летописи — Ладога, в Лаврентьевской летописи место вообще не указано. По-разному назван статус Олега: в Новгородской 1-й летописи он лишь воевода при Игоре, а в ПВЛ он уже полноправный князь. По-разному говорится о названии руси: в Новгородской 1-й ле-

¹ См.: Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов», или *Origis gentis russorum?* // Древнейшие государства Восточной Европы: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — С. 513—582.

тописи сказано, что русью прозвались славяне и варяги, когда пришли в Киев, а в ПВЛ русь с самого начала выступает как часть варягов. Список разночтений можно продолжать...

О легендарности как рассказа о «призвании варягов», так и других рассказов в начальной части летописи писалось много. Очень многие сюжеты и детали находят те или иные параллели и аналогии в зарубежных устных и литературных традициях — скандинавской, славянской, западноевропейской, античной, восточной, не говоря уже об аллюзиях и прямых заимствованиях из Библии. Образные и сюжетные аналогии древнерусского летописания и произведений или преданий других культурных традиций иногда можно расценивать как прямые или не прямые заимствования, иногда как «бродячие» топосы и сюжеты, иногда как литературные формы, возникшие независимо в схожих культурно-исторических условиях. Но факт параллели в произведениях, далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве, уже заставляет подозревать если не чистую легендарность той или иной информации, то во всяком случае её обработку при «встраивании» и «прилаживании» к определённым ментальным, культурным, идеологическим и литературным моделям, из которых наиболее известные и уже упоминавшиеся выше — эпонимическая модель в фольклоре и династическая в литературе и историографии.

Классический пример литературной параллели в начальном летописании — это почти дословное соответствие призыва, с которым восточноевропейские племена обратились к варягам, тому приглашению, которое отправили, согласно «Деяниям саксов» Видукинда Корвейского, бритты саксам. Ср. в ПВЛ: «Земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету; да поидете к намъ княжить и владеть нами», и у Видукинда: «Обширную и бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти»¹.

Поскольку нет оснований предполагать знакомство древнерусского летописца с сочинением Видукинда (писавшего на рубеже 960-х — 970-х гг.) или с неким источником, которым пользовался немецкий хронист, учёные давно пришли к заключению, что и тот и другой писатели передавали некое устное сказание, распространённое в среде германских народов севера Европы. Это сказание отразилось, кроме сочинения Видукинда, и в некоторых других произведениях историографического жанра европейских авторов X—XII вв. Во всех случаях, в том числе и в древнерусской летописи, изложение этого сказания опиралось на какие-то отдельные местные факты и реалии, но в самом сюжете «призвания» одного народа другим абсолютно бесполезно искать отражение каких-либо достоверных исторических событий — речь

---

¹ *Видукинд Корвейский. Деяния саксов* / Пер. Г. Э. Санчука. — М., 1975. — С. 68.

идёт не о реальности, а об очередной объяснительной модели фольклорно-литературного происхождения¹.

Не имея возможности показать все примеры параллелей, аналогий, заимствований, противоречий и разночтений, присутствующих в летописи, следует сделать важнейшее заключение. Приведённые примеры показывают, насколько серьёзно стоит вопрос о доверии летописи. Даже если какие-то сообщения и детали вычисляются как первоначальные и не восходящие к неким литературным образцам и преданиям, всё равно встаёт вопрос — адекватно ли говорится нечто из перспективы XI в. относительно IX в.? Сомнений в сообщениях летописи так много, что некоторые историки призывают к полной «перестройке» школьных и научно-популярных воззрений относительно древнейшей истории руси, устоявшихся на основе ПВЛ².

Когда показания летописи проверяются на «прочность» в сравнении с тем, что говорят независимые источники, расхождения обнаруживаются весьма существенные. Например, все древнейшие летописи единогласны в том, что Рюрик, Синеус и Трувор сели править соответственно в Новгороде, Изборске и Белоозере. Между тем, как показывают археологические раскопки, Новгород и Белоозеро просто не существовали в то время, к которому летопись относит «призвание варягов». В Новгороде древнейшие слои относятся к 930-м гг. На Белом озере «древнейшие культурные напластования первого городского центра относятся ко времени не ранее середины X в.»³. В Изборске поселение существовало с VIII в. (хотя, видимо, с перерывами или затуханиями в развитии), но археологи не нашли там следов скандинавов и ярких «дружинных древностей»⁴.

Другой яркий пример составляет противоречие между указанием летописи на «путь из варяг в греки» по Днепру как основную древнейшую магистраль Восточной Европы и совместными показаниями древних письменных известий о руси IX в. и археологических материалов (прежде всего кладов) о том, что в IX в. основные торговые пути пролегали по Волге и Дону, а не по Днепру. Ни слова летопись не говорит и о контактах руси с Арабским халифатом, не упоминая кагана руси, хотя и то и другое совершенно бесспорно фиксируют рассмотренные выше источники IX в.

¹ См.: Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russionum?* // Древнейшее государство Восточной Европы: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — С. 565—570.

² См.: Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской археологической экспедиции / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. — СПб., 2007. — С. 343—351.

³ Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 457.

⁴ См.: Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. — М., 2007.

В чём сходятся данные ПВЛ и достоверных известий о руси IX в.? Во-первых, в признании того, что русь — это народ не коренной на территории Восточно-Европейской равнины, а возникший уже после того, как славянская колонизация этой территории в основном была завершена (и при этом с ведущим участием выходцев из Скандинавии). Во-вторых, в свидетельствах о слабости той центральной власти, которую признавала русь. Арабские известия о кагане руси об этом говорят прямо, а ПВЛ — косвенно: упоминая, например, что Аскольд и Дир правили в Киеве независимо от Рюрика, или подразумевая некое соглашение между Рюриком и «призвавшими» его племенами, а затем между киевскими князьями и признававшими их власть славянами. В-третьих, в признании важности контактов с соседними государствами для существования руси в древнейший период (хотя ПВЛ делает акцент прежде всего на отношениях с Византией и военной агрессии руси). В-четвёртых, в том, что древнерусским летописцам, как и автору «Анонимной записки», не было ничего известно о проникновении христианства на Русь в IX в. Это говорит о случайном характере крещения каких-то русов, засвидетельствованного Фотием и ибн Хордадбеком.

Эти сходства, а также некоторые детали летописных рассказов, явно восходящие к глубокой древности (например, указания на размеры дани, которая поступала со славянских племён), заставляют историков думать, что какие-то достоверные сведения летопись до нас донесла. Но пока в науке нет ясности, какие именно сведения достоверны, а какие нет, потому что практически очень трудно отделить «зерно истины» от налипших на него легендарных и ошибочных сообщений. Так или иначе для надёжных исторических реконструкций по истории руси IX в. к ПВЛ следует обращаться с осторожностью.

Глава V. Формирование территории и властных институтов Древней Руси

Для реконструкции истории руси в X в. историки располагают гораздо более содержательными и точными данными, чем для истории более раннего периода. В значительно большей мере применительно к истории X в. можно доверять сообщениям летописи — и основные события, и лица, и даже некоторые даты, упоминаемые в ней, подтверждаются независимыми источниками.

Если в историчности Рюрика можно сомневаться, то существование Олега уже не подлежит сомнению, потому что он упомянут не только в летописи, но и в русско-византийском договоре 911 г. как глава руси. Некоторые исследователи считают позднейшей вставкой в текст договора указание на города, находившиеся

под властью Олега (Киев, Чернигов и Переяславль)¹, но всё-таки большинство историков не сомневаются в том, что Олег княжил именно в Киеве, а не где-то ещё. В таком случае киевское княжение Олега можно считать началом Киевской Руси.

Однако большой проблемой для исследователей остаётся преемственность правления киевских князей с тем «каганатом руси», о котором нам известно из источников IX в. С одной стороны, в чём-то такая преемственность, бесспорно, прослеживается. Сохраняется сам народ под именем русь, и, как и в IX в., в нём явно прослеживается активный скандинавский элемент. В знаменитом рассказе Константина Багрянородного о том, как русы ездили в Византию, содержится список оригинальных названий днепровских порогов на двух языках — по-славянски и «по-росски». Второй язык безошибочно идентифицируется как древнескандинавский, а значит, в среде руси в середине X в. многие говорили на этом языке. В договорах 911 и 944 гг. приведены имена людей, представлявших русь, — князей, их людей и купцов, — и в подавляющем большинстве эти имена оказываются скандинавскими. Следовательно, верхушка руси того времени состояла в основном из людей скандинавского происхождения.

Как и в IX в., важнейшей деятельностью руси в X в. остаётся торговая и военно-грабительская. О коммерческих занятиях и интересах руси ясно свидетельствуют как договоры 911 и 944 гг., так и археологические данные — клады монет, распространение импортных товаров, купеческого инвентаря и т. д. Набеги руси на Византию, Хазарию и прикаспийские государства, появление в X в. в Константинополе постоянного контингента наёмников из руси, широкое распространение мечей и другого оружия в захоронениях — всё это яркие показатели милитаризованности общества руси в X в.

С другой стороны, ряд фактов свидетельствует о разрыве или нарушении в поступательном развитии руси, заставляя историков говорить о «двух этапах формирования» Древнерусского государства². В X в. изменяется прежде всего экономическая география руси. Если в IX в. основные торговые пути проходили по Волге и Дону, то в X в. гораздо оживлённее становится днепровский путь («путь из варяг в греки»), вдоль которого развиваются крупные и мелкие хозяйственные и политические центры (Киев, Смоленск и др.). Пока в науке нет однозначного объяснения этого явления. Возможно, это связано с усилением Волжской Булгарии в начале X в., которая ставит под свой контроль Волгу. Возможно, сыграли роль перемещения кочевников в конце X в.:

---

¹ Сомнения связаны, во-первых, с тем, что Переяславль, согласно как письменным, так и археологическим данным, как город появился лишь в конце X в., а во-вторых, с тем, что в хазарских источниках упоминается некий Хельгу в событиях 940-х гг., идентификация которого с летописным Олегом ведёт к коренному пересмотру летописных сообщений.

² См.: Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. — 2001. — № 4. — С. 55—77.

венгры ушли из причерноморских степей в Моравию, а на их место пришли печенеги, разорявшие славянские и хазарские поселения. Возможно, изменилась конъюнктура в трансевропейской торговле. Так или иначе археологи фиксируют, что в конце IX в. наступили перебои в поступлении серебра в Восточную Европу из халифата, а в X в. значение днепровского пути и отношений руси с Византией сильно возрастает.

Археология свидетельствует о новых миграционных процессах на Восточно-Европейской равнине, начавшихся в конце IX в. С этого момента фиксируется мощная волна притока мигрантов из Скандинавии, которые обосновываются преимущественно в нескольких центрах на Днестре — Смоленске, Киеве и др. В то же время в славянской среде наблюдается демографический подъём, а кроме того, часть славян, видимо, под натиском печенегов перемещается из районов, граничащих со степью, севернее в глубь лесов.

Неслучайным выглядит исчезновение кагана руси, о котором упоминают источники IX в. Киевские правители называют себя славянским обозначением «князь». Древнерусские книжники в XI—XII вв. иногда применяли слово «каган» в отношении к отдельным князьям руси, владевшим территориями, когда-то находившимися под властью хазар, однако это был скорее литературно-хвалебный эпитет, нежели титул.

Наконец, значительные изменения в развитии общества и властных институтов можно заметить, если сравнить известия о «каганате руси» с данными о внутреннем устройстве руси под властью киевских князей. Довольно представительными и содержательными данными такого рода мы располагаем относительно 940-х гг., на которые приходятся и сообщения летописи, и договор с Византией 944 г., и рассказы о руси в трактатах Константина Багрянородного, и сообщения хазарского, арабского происхождения. Эти данные обобщены в работе А. А. Горского¹. Опираясь на эту работу, также имея в виду более поздние данные второй половины X — начала XI в. и ориентируясь на критерии государственности, обозначенные выше во введении, можно представить складывание Древнерусского государства в X в. по нескольким параметрам.

Территория. Чётко очерченной территории «каганат руси» не имел, или во всяком случае она не восстанавливается по имеющимся данным. То, что власть киевских князей распространялась на определённую территорию, не подлежит сомнению. Другое дело, что эта территория в течение всего X в. росла и окончательно стабилизировалась только в правление князя Владимира Святославича в начале XI в. Ядром этой территории было Среднее Поднепровье, которое ещё даже в источниках XI—XII вв. именуется «Русь»

---

¹ Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. — М., 2012. — С. 7—112.

кой землёй» в противопоставление к остальным областям Руси. Власть киевских князей признавали в Новгороде, но отношения с ним, видимо, отличались от тех, которые устанавливали эти князья со славянскими и финно-угорскими племенами, — в первом случае отношения были скорее договорными, во втором — данническими¹. Подчинение населения Восточно-Европейской равнины не шло гладко. Конкуренцию киевским правителям в этом регионе составляли и князья славянских племён (подобные Малу, князю древлян, о котором упоминается в летописном рассказе о гибели князя Игоря), и правители, установившие свою власть в других местах (подобные Рогволоду, княжившему в Полоцке).

Власть и управление. Сила власти измеряется её эффективностью, то есть насколько последовательно и в отношении насколько большего числа людей проводятся в жизнь решения, принятые верховными носителями власти. Последние, в свою очередь, должны располагать какими-то инструментами и механизмами для реализации своих решений.

Власть кагана руси была, судя по всему, более или менее номинальной. В распоряжении киевских князей находились собственные воины, состоявшие у них на жалованье и напрямую подчинявшиеся им. О таких воинах у «царя руси» сообщает арабский путешественник ибн Фадлан, лично познакомившийся с русью в Волжской Булгарии в 922 г. В древнерусской летописи эти воины обозначались двумя терминами: «отроки» (славянского происхождения) и «гридь» (скандинавского происхождения) и обобщающим понятием «дружина»². Эффективность и размеры военных контингентов такого рода напрямую зависели от финансовых возможностей правителя. Доходы князей, правивших в Киеве в X в., должны были сильно различаться. Наибольшими они были, наверное, у Святослава, предпринявшего ряд успешных завоевательных походов, и у его сына Владимира, подчинившего территории, составившие Киевскую Русь.

Но каковы бы ни были дружины в распоряжении правителя, сам факт их наличия — это важный признак и фактор государственности. С помощью дружин центральная верховная власть не только добивалась признания у тех или иных групп населения, но и могла поддерживать это признание в течение длительного времени, взимая какие-то средства от населения и управляя им. Иными словами, дружины были не только военной силой, из них формировался и аппарат управления, пускай и зачаточный — в основном в виде военачальников (воеводы), агентов на местах (посадники) и домоправителей (тиуны). По этой причине некото-

---

¹ См.: *Стефанович П. С.* Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. — 2011. — № 12 (22). — С. 5—35.

² См.: *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI вв. — М., 2012.

рые исследователи применяют по отношению к Руси X в. понятие «дружинное государство»¹.

Вместе с тем нельзя забывать, что дружинами располагали не только собственно киевские князья, но и другие представители верхушки руси — богатые и могущественные главы некоторых кланов русов. Тот же ибн Фадлан оставил описание похорон одного такого знатного руса, у которого в подчинении было много родственников, слуг и служанок. Могущественным человеком, с которым вынуждены чуть не на каждом шагу считаться киевские князья, выступает в летописи Свенельд. В договорах руси и византийцев 911 и 944 гг. знатные русы обозначаются словами «князья» и «бо(л)яре», но уже к началу XI в. для их обозначения укрепилось именно второе слово (видимо, тюркского происхождения). И в договоре 944 г., и в описании приёма делегации руси во главе с княгиней Ольгой в Константинополе представители знати выступают от имени всей руси вместе с правящими киевскими князьями.

Эти факты заставляют скептически воспринимать летописные рассказы, построенные вокруг деяний своих главных героев — киевских князей. О правлении киевских князей в X в. нельзя говорить как о монархии в полном смысле слова; среди знати русов они оказывались в положении лишь *primus inter pares*². Ситуация заметно меняется только при Владимире Святославиче, который первым начинает править подчинёнными территориями через своих сыновей, каждый из которых был назначен отцом в тот или иной локальный центр. Не случайно, что в летописи специально приводятся списки сыновей Владимира с указанием мест их назначения. Очевидно, у каждого сына Владимира Святославича были свои люди для управления на месте, и, таким образом, мы видим уже систему территориального управления с несколькими ступенями распределения ответственности и полномочий.

В настоящее время в науке дискутируется вопрос о происхождении и функционировании такой системы власти, которая предусматривала только одну правящую династию (Рюриковичей) с наделением долей из общего «пирога» — «Русьской земли» — каждого нового потомка по мужской линии. В середине XIX в. С. М. Соловьёв предложил теорию, которая объясняла сохранение власти Рюриковичей над Русской землёй как пережиток древнего родового строя и описывала их отношения как целую систему со своими сложными «правилами игры» (знаменитое «лествичное восхождение»). В XX в. власть рода Рюриковичей объяснялась скорее как случайность, а их отношения интерпретировались как сочетание меняющихся политических конструкций с неким родственным «антуражем». Система «лествичного вос-

---

¹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования: 1992—1993 гг. — М., 1995. — С. 22—23.

² Первый среди равных (*лат.*).

хождения» была разоблачена как конструкция летописца XVI в., никогда не соблюдавшаяся в практике межкняжеских отношений XI—XV вв.¹ В последние годы предпринимаются попытки возродить «родовую теорию» (хотя и сильно модифицировав её) и провести аналогии системы правления Рюриковичей с другими раннесредневековыми европейскими государствами².

Управление, которое должны были осуществлять киевские князья, было связано в основном с финансовыми сборами. Из разных источников известно, что в пользу князей поступала дань с подчинённого населения. Сама по себе дань, особенно тогда, когда она является фактически выкупом или откупом по завершении военных действий, вполне может быть элементом (меж)племенных отношений и не является признаком государственности. Некоторые историки делают акцент на этом, подчёркивая архаичность устройства руси в X в.³ Однако в течение X в. способ сбора дани, поступавшей в Киев, эволюционировал в сторону дифференциации и упорядочивания. По всей территории соблюдался примерно один размер ставки дани с одного домохозяйства (вероятно, шкурка меха или серебряная монета). Если при Игоре, как известно из летописи и из знаменитого описания руси в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», дань собиралась в полюдье, когда сбор средств сопровождался «кормлением» всей верхушки руси, то уже при Ольге сборы начинают передаваться в Киев со специально назначенных для этого мест специально назначенными для сбора дани людьми. Дань и полюдье начинают рассматриваться как разные явления сложной налоговой системы, причём меняется смысл слов — в XI в. они уже обозначают разные налоги. При Владимире казна также пополняется торговыми и судебными пошлинами, и этот факт отражает признание определённых полномочий и прав контроля верховной власти в сфере экономики и права.

Социальная дифференциация. Чем сложнее и разнообразнее разделение людей (по статусу, имуществу и пр.), тем труднее соблюдать баланс интересов в их среде. Тогда вырастает роль авторитета и принуждения, обеспечить которые и призвано государство.

Определённая дифференциация была в среде руси и в IX в., но она совпадала в основном, видимо, с размежеванием между верхушкой русов и признавшими их власть местными племенами. В науке до сих пор существуют теории «общинно-вечевого быта» Руси, которые были предложены в середине XIX в. Согласно им, население Руси в IX—X вв. (и даже позже) жило в более или менее монолитных общинах, не знавших социально-экономических

¹ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий / Подгот. текста, ст. и прим. М. Б. Свердлова. — М., 1993.

² См.: Назаренко А. А. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). — М., 2009.

³ См., например: Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI—X вв.). — СПб., 1996.

противоречий (среди современных историков такие взгляды отстаивают И. Я. Фроянов и его ученики). Однако углублённые исследования не подтверждают этих теорий. Уже в X в. межплеменные различия в среде руси всё более стираются, и на их место приходят социальные, экономические, культурные и отчасти политические.

О рабах и элите как слоях, отличающихся от основной массы свободных граждан, недвусмысленные свидетельства дают договоры руси и византийцев 911 и 944 гг.

Рабский статус определялся юридически, и он довольно чётко осознавался современниками и соответственно отражался в дошедших до нас письменных источниках. В обоих договорах по несколько статей посвящено регулированию вопросов рабовладения. Социальная верхушка в Древней Руси (а позже в Великом княжестве Московском и Российском государстве) не имела юридически закреплённых привилегий вплоть до XV—XVI вв. Поэтому выделить социальную верхушку можно лишь при учёте следующих признаков: 1) преимущественный доступ к публичной власти и господство в частнопроводном порядке; 2) концентрация имуществ и богатств (капитала); 3) обладание социальным авторитетом (престижем). По этим признакам в договоре 944 г. элитой (социальной верхушкой) общества выступают знать (обозначавшаяся тогда словами «князья» и «бояре»), включая киевского князя и его род, и торгово-финансовая верхушка горожан (обозначенная в договоре словами «купцы» и «гости»). Основной слой населения составляли свободные городские жители. Анализ других источников показывает, что в X в. к элите примыкает слой профессиональных воинов-дружинников (отроки/гридь), а также что уже в это время начинает выделяться слой сельских жителей-данников (смерды). Конечно, эта структура была ещё аморфной и размытой, в XI в. она будет ещё меняться и стабилизироваться, но о руси в X в. уже никак нельзя говорить как о некоей «общинности»¹.

О социальной дифференциации в среде русов ярко свидетельствуют археологические материалы — прежде всего концентрация дорогих и престижных вещей в некоторых городах (или даже городских районах и отдельных усадьбах) и выдающиеся по своим размерам и инвентарю погребения (главным образом монументальные курганные насыпи). Археологи говорят об особой «яркой и эклектичной культуре военизированной знати конца IX—X в., своеобразии которой во многом определяется сочетанием престижных предметов, обрядов и художественных образов, принадлежащих к разным традициям»².

Религия. Тот факт, что в конце IX в. христианство не прижилось в «каганате руси», говорит о том, что в обществе руси в то

¹ См. подробнее: *Стефанович П. С.* Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI вв. — М., 2012.

² *Макаров Н. А.* Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX—X веках. Археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 459.

время ещё не сформировались предпосылки для принятия монотеистической религии. В условиях слабой интеграции при сохранении межплеменных различий и поверхностных внешних контактов, ориентированных на материальные ценности, язычество могло удерживать свои позиции. Языческие общинные культы поддерживали единство и обособленность локальных общностей.

Дифференциация общества, выделение личности из родовых и общинных связей, мобильность и миграции населения, более глубокие отношения с развитыми цивилизациями — все эти факторы расчищали путь монотеизму, делавшему акцент на индивидуальный религиозный опыт и претендовавшему на трансграничный, всемирный охват. Именно верхушка общества должна была первой вступить на путь разрыва с язычеством, и естественно, что для приднепровской руси этот путь лежал в направлении Византии, откуда христианство начало распространяться на север, преимущественно в славянские области, ещё в IX в. Как свидетельствует договор руси с византийцами 944 г., какая-то часть той элиты руси, которая участвовала в его заключении, была уже христианской (они скрепляли соглашение христианской клятвой). Решительным шагом на этом пути было крещение княгини Ольги в Константинополе.

Необходимость интеграции населения явно осознавалась при дворе Владимира Святославича как насущная задача, и решать её предполагалось, очевидно, в религиозной сфере (ср. попытку «языческой реформы» в начале 980-х гг.). Выбор между иудаизмом (Хазария), исламом (Арабский халифат), западным (Германия) и восточным (Византия) христианством был обусловлен, видимо, степенью развития отношений с соответствующей стороной и конкретными политическими обстоятельствами (и то и другое говорило в пользу Византии). Вместе с тем не надо думать, что выбор был изначально предопределён: известно, например, что в Киеве в X в. существовала иудейская община¹ и что у Руси существовали тесные торговые связи с мусульманскими государствами². В конце концов в 988 г. Владимир и его окружение приняли христианство по восточному обряду, и этот шаг, безусловно, способствовал развитию гражданско-государственных отношений на Руси.

Следует также учитывать, что спутниками развитых монотеистических религий выступали и определённые завоевания цивилизации, способствовавшие интеграции населения, — прежде всего письменность. Население Восточной Европы, составившее

---

¹ Об этом свидетельствует так называемое «Киевское письмо» — послание от имени иудейской общины на иврите, сохранившееся в Каирской генизе (архиве при синагоге). См.: Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. — Иерусалим; М., 2003.

² О «выборе веры» в последние годы немало писалось в специальной литературе — разбирался как известный летописный рассказ, так и обстоятельства Крещения Руси. См., например: Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, 16—18 апреля 2014 г.: Материалы конференции. — М., 2014.

позднее государство Русь, было знакомо с разными вариантами письма ещё в IX в. (и даже раньше). Древнейшие из сохранившихся надписей сделаны скандинавским руническим письмом. К концу IX—X в. относятся десятки надписей «младшими рунами» на монетах, амулетах и других предметах, найденные в Ладоге, Гнёздове и других местах археологических раскопок. Однако эти надписи носят преимущественно сакральный характер.

К X в. относится уже упомянутое «Киевское письмо», написанное на иврите, — древнейший аутентичный документ, вышедший с территории Киевской Руси. Второй четвертью — серединой X в. датируется древнейшая надпись греческими или славянскими буквами (кириллицей) — слово «Горуня» на глиняном горшке, найденном при раскопках кургана в Гнёздове. Как читать это слово, единого мнения нет, но, скорее всего, это владельческая надпись, то есть обозначение вещи, принадлежащей некоему Горуру. Договор руси с византийцами 944 г. свидетельствует, что какое-то письмо — вероятно, греческое или славянское — употреблялось русами с целью ведения документации и осуществления управления: в договоре говорится, что русы, прибывающие в Константинополь, должны удостоверить свои личности грамотами, заверенными их князьями. Все эти свидетельства, среди которых важнейшее — из договора 944 г., говорят об употреблении письма уже с явными практическими целями, а это, в свою очередь, уже показатель развитости общественных отношений¹.

Таким образом, русь середины X в., во главе которой стояли киевские князья, существенно продвинулась в процессе государствообразования по сравнению с «каганатом руси», каким нам описывают его источники середины — конца IX в. Определённое территориальное ядро, верховная политическая власть, претендующая на финансовые сборы с подданных и контролирующая суд, социально дифференцированное население и, наконец, применение письма в практических целях (хотя, видимо, в редких случаях) — это признаки, которые позволяют говорить о государстве в его «мягком» определении (то есть без обязательного наличия профессиональной бюрократии, представлений о национальном единстве и т. п.). Правда, в источниках середины X в. эти признаки пока только обозначились, но не сформировались в законченные формы. Лишь к концу X в., в правление Владимира Святославича, стабилизировались территория Руси, её политическая система и общественная структура, а официальное принятие монотеистической религии повлекло широкое распространение письменности и становление государственной идеологии, что существенно способствовало интеграции населения. Применительно к этому времени можно уверенно говорить, что Древнерусское государство (Киевская Русь) сформировалось как полноценная политическая единица.

---

¹ О развитии письменности на Руси см. подробнее: *Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950—1300 гг.)*. — СПб., 2010.

В начале данного пособия говорилось, что наиболее распространённое в научной литературе «мягкое» (или широкое) понимание государства подразумевает под этим понятием относительно централизованную политическую систему, которая охватывает социально неоднородное население на определённой территории некими обязательствами по фиску, суду и управлению. Принимая это определение, следует признать, что приблизительно во второй половине X в. (возможно, в середине X в., но уже наверняка к рубежу X—XI вв.) процесс образования Древнерусского государства закончился. Этот вывод, в кратком виде обоснованный в главе V, основывается на современном уровне научных знаний о древнейшей истории Руси и едва ли вызовет принципиальные возражения у большинства современных историков¹ — во всяком случае если ещё больше не «смягчать» определение государства.

Сложнее представляется вопрос о том, к какому времени следует отнести начало этого процесса. История династии, установившейся в Киевской Руси (Рюриковичей), не прослеживается по надёжным источникам ранее начала X в. Летописные рассказы легендарны, а их датировки — плоды догадок и искусственных вычислений летописцев, живших в более поздние времена. Не увязывая процесс образования государства с династией и отдельными личностями (как того и требует научный подход), его начало на Восточно-Европейской равнине следует отнести к IX в., имея в виду данные достоверных современных письменных источников о некоем объединении руси во главе с каганом. Характер этого объединения на данный момент во многом (в частности, его локализация) остаётся нам неясен. И тем не менее первые данные о нём, относящиеся к 830-м гг., дают ту начальную точку опоры, от которой можно отталкиваться в исторических конструкциях. Разумеется, нужно учитывать, что этот «каганат руси» не мог возникнуть из ничего. Предпосылки образования государства уже имели место в среде автохтонного (славянского, балтского и финно-угорского) населения Восточно-Европейской равнины и до 830-х гг., но из-за отсутствия письменных источников наши суждения об этом носят размытый и неопределённый характер.

Ещё больше неясности относительно того, как, в каких терминах и понятиях следует характеризовать сформировавшееся к концу X в. Древнерусское государство.

¹ Ср. заключение одного из ведущих специалистов по древнерусской истории: на Руси «переход к полному господству черт раннего государства был длительным... Завершилось формирование государства в конце X столетия, при Владимире, с ликвидацией «славиний» и переходом к управлению всей восточнославянской территорией через наместников киевского князя» (*Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. — М., 2012. — С. 112*).

В сборнике статей, посвящённом образованию Древнерусского государства, констатировалось, что принятая в советской историографии модель этого государства как феодального, основанного на сеньориальном способе производства, «практически вышла из употребления» с начала 1990-х гг., но с тех пор «не подверглась систематическому пересмотру и не заменена иной сколько-нибудь цельной концепцией (или концепциями)»¹. Действительно, в современных исследованиях по истории Древней Руси всё реже можно встретить термины «феодализм» и «феодальный». Никаких специфически феодальных признаков приведённые в работе выше данные по истории древнейшей Руси не обнаруживают. Не видно их и в позднейшей истории Руси. Землевладение, основанное на труде зависимых крестьян, не получило широкого распространения на Руси вплоть до XIV—XV вв. Социальная структура средневековой Руси была слишком неоднородной, для того чтобы свести её к одному лишь классовому антагонизму. Вместе с тем с древнейших времён вплоть до позднего Средневековья заметную роль на Руси играли, например, такие чуждые феодализму явления, как городская экономика и рабство.

Попытки противопоставить нечто «концептуальное» формационному подходу предпринимались через обращения к работам по социальной и политической антропологии и «общинно-вечевой» теории, популярной в русской классической историографии. Однако эти попытки пока имеют ограниченный успех. Так, введение в науку понятий «данничество» и «вождество» вместо явно неудачного термина «военная демократия» оживило дискуссии по проблеме зарождения и развития государственности в среде восточнославянских «племён» (или «вождеств»), но не решило многих конкретно-исторических проблем, связанных с формированием государства руси. Акцент на роли городского населения и форм его организации в истории средневековой Руси, особенно в домонгольское время и в отдельных регионах (прежде всего в Новгороде), справедлив. Но всё-таки древнерусское общество было гораздо сложнее и разнообразнее, чем просто «вечевая община», и это можно заметить и в свидетельствах источников, приведённых в данном пособии.

Кризис советской марксистской школы совпал с кризисом синтетических исторических теорий в мировой историографии. Например, параллельно с критикой советской концепции феодализма в русскоязычной литературе, в западноевропейской медиевистике в последние годы много критики высказывалось в адрес «классической» концепции западного феодализма². Сегодня исторические исследования всё больше специализируются по отдельным темам

---

¹ Мельникова Е. А. Предисловие // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Материалы конференции. — М., 2012. — С. 4.

² См.: Феодализм: понятие и реалии / Под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. — М., 2008.

и регионам. В этих условиях примеры удачных научных обобщений представляют собой сравнительно-исторические работы, отталкивающиеся не от теорий общего характера, а от разработок частных вопросов в отдельных (национальных) историографических традициях. По древнейшей истории Руси пока таких работ не так много, как хотелось бы. Остаётся надеяться, что они появятся в будущем.

Список литературы

Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. — М., 2012. — С. 7—112.

Клейн Л. С. Спор о варягах / Л. С. Клейн. — СПб., 2009.

Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: избранные труды / Е. А. Мельникова; под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. — М., 2011.

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические очерки) / А. В. Назаренко. — М., 2013.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков / А. В. Назаренко. — М., 2001.

Петрухин В. Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин. — М., 2013.

Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. — СПб., 2003.

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X—XI вв. / П. С. Стефанович. — М., 2012.

Франклин С. Начало Руси: 750—1200 / С. Франклин, Дж. Шепард; пер. Д. М. Буланина, Н. Л. Лужецкой. — СПб., 2009.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. — СПб., 1996.

Шахматов А. А. История русского летописания. В 2 т. / А. А. Шахматов. — СПб., 2003—2011.

Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков. — М., 2009.

Сборники статей:

У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикава Городища и Новгородской археологической экспедиции: историко-археологический сборник. Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия / отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. — СПб., 2007.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, состоявшейся 14—18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. — СПб., 2009.

Русь в IX—X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. — М.; Вологда, 2012.

Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012.

Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. — М., 2012.

Исторический вестник. Т. 1(148). Начало русской государственности / под ред. А. А. Горского. — М., 2012.

Учебное издание

Серия «Учимся с «Просвещением»
«Просвещение» — учителю»

Стефанович Пётр Сергеевич

Древнерусское государство

Учебное пособие для
общеобразовательных организаций

Центр гуманитарного образования

Руководитель центра *К. М. Юшков*

Редакция истории, обществознания и права

Редактор и ответственный за выпуск *Е. Е. Бакаляр*

Художественный редактор *Е. В. Степанова*

Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *О. А. Карповой*

Корректоры *Е. В. Барановская, Л. А. Ермолина*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК
005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Под-
писано в печать 00.00.2017. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookCSanPin. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 0,00.

Тираж экз. Заказ № .

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение». 127521,
Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический комбинат детской
литературы» ОАО «Издательство «Высшая школа».

170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

Тел.: +7(4822) 44-85-98. Факс: +7(4822) 44-61-51.